Елена Гарда

16+

Дар Светоходца

Враг Первой Ступени

Елена Гарда

Книга I. Дар светоходца. Враг Первой Ступени

Серия «Магна Кварта», книга 1

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=65895097
SelfPub; 2025

Аннотация

Жизнь Кая Острожского обрывается на самом интересном месте… В зажатой ладони героя – пластинка небесного железа. На плече – отпечаток медвежьей лапы. В голове отныне и навсегда – Путь, вон в небе горят слова! К ним – семеро спутников, среди них твой «Нежданный враг», ну и (а как же!) – «Нежданный друг». Не справишься, «Закланник» – предашь смерти родных людей. Осилишь – перед тобой откроется иной Мир. Знать бы ещё, по какой причине именно его унылая личность была обменяна и оплачена ценой жизни последнего рыцаря Ордена Золотой Лестницы, великого Светоходца и Гроссмейстера Гардаринии… Но скука закончилась, а настоящая жизнь, похоже, началась. Волею хтонического божества, без объяснений, помешав герою заглянуть в сиреневые глаза девушки-истории. Перед тобой, читатель, одна четвёртая цикла о приключениях юного мага. Это много или мало? Если это столп загадочной Магна Кварты, год обучения в Академии Магии или же шажок

вверх по Золотой лестницы, то одна четвёртая – это бесконечно много.

Содержание

Мизансцена первая	9
Сломанные Крылья	56
Цена	71
Дар Каргера	80
Время	94
Первый контакт	121
Конец ознакомительного фрагмента.	126

Елена Гарда
Книга I. Дар светоходца. Враг Первой Ступени

Иногда приходится долго ждать, пока сказка выберет рассказчика. Когда ты о ней забываешь, она находит тебя сама. «Я твоя сказка», – напоминает она, и с этого момента прорывается в сны, машет ладошкой из облака, птичьим клювом постукивает в окно. И ты понимаешь, что должен написать эту страницу.

Пролог небесный

Осенний лес был тих. Семь ветров сомкнули уста. Даже облака в небе остановили холодное своё кипение. Подрагивали еловые лапы под каплями сорвавшейся росы, покачивались бесконечно длинные невидимые паутинки. Солнце едва розовело в серых тяжёлых небесах. Играя розовыми бликами, река по имени Вечная бесшумно несла свои подводные тайны.

Подушка из хвоинок и пожухлых трав чуть слышно хрустнула…

Картина настолько застыла во времени, что человеческий глаз не уловил бы ничьего присутствия. Лишь зоркая сереб-

ристого оперения птица на вершине сосны знала. И ждала.

Невесомая стопа бесшумно опустилась на сонную лужайку в чаще. След был гигантским, а потому невидимым – лишь прогалина стала чуть глубже, но не смялся ни листик, ни цветок.

От второго шага этот след отделяла вечность в сотни лет. Но движение было не остановить. Другая стопа была уже занесена.

Птица покрутила головой, рассматривая нечто на высоте крон корабельных сосен. В золотистом глянце бусинок-глаз на мгновение отразилось холодное мерцание порфирного пламени.

– Кья-кья-кья, – крикнула птица, переминаясь лапами на смолянистой шершавой ветке.

В маслянистом зрачке отразились золотой лев и мистическая человеко-птица Гаруда, и стая мягколапых псов, и ещё много чего с резной картины вечных стихий и мирских страстей.

Сосны бесшумно раздвинулись, будто пропуская незримого путника-великана. С веток сорвалось ещё несколько росинок, стальным мерцанием колыхнулась бесконечно длинная паучья пряжа. Ещё один шаг был сделан. И снова стопа начала своё плавное следование. Золотая ноша его роняла над лесом холодный шлейф серебристо-багрового свечения.

В семи сторонах, в густом покое вечности застыли семь

холмов. Им предстояло сонно хранить в себе бесконечную тайну Великого Начала.

Пролог земной

Лодка тихо покачивалась на волнах, её понемногу сносило течением. Вечную реку заволокло туманом, берег потерялся. Островки неба отражались в воде утренним розовым.

Корзина медленно наполнялась водой. Её слегка кружило течением, но она никак не отплывала от борта.

Рука потянулась за сигаретой. Писк становился беспокойнее.

Лёгкое облачко дыма.

Их было семь, и они никому не были нужны. Семеро. Глаза у всех ещё мутно-серые, цвет придёт через несколько месяцев. Пришёл бы, поправила себя она. Спинки толстенькие, клочковато-мохнатые, носы мокрые, пятнистые. Вода намочила лапы и короткие закорючки хвостов. Они возились в мокрой пелёнке, до этого они не знали воды и самые смелые пытались с ней играть.

Она выбросила затухшую сигарету в воду. Писк становился громче и тревожнее. Нет, они ещё не знали, чего стоит бояться больше, воды или этих белых рук. Ещё пару минут и корзина уйдёт на дно. Дольше ей не продержаться. И всё закончится, как много раз до этого.

Почему матушка игуменья назначила ей такое послуша-

ние, снова спросила она Вечную реку. Каждому по греху его, так отвечала сестра Варвара. Мол, всяк человек для своего особого послушания был рождён, и Господь ему его путь уготовил.

Мизансцена первая

Театр

История и герой уже вышли навстречу друг другу. Их столкновение неизбежно, к добру ли, к несчастью… Время иногда смеётся над планами, меняя ход событий и перемешивая роли до неузнаваемости. Тому виной слишком юный возраст её участников и слишком древний зрителей. Но часы запущены, стрелки расставлены…

– Начинается! – радостно теребя бороду, возвестил дед Егор, поворачиваясь к Каю.

* * *

На другом конце Древнеграда задребезжало стекло в грохнувшей о стену оконной створке. Заскулила собака, донеслись женские крики и в унисон им затихающие мужские увещевания.

Злые уверенные шаги разрезали цикадную тишину.

* * *

…Кай с дедом сидели в ложе бенуар Старого Театра. На театральной сцене происходили эпичные роения неистово преданных владыке витязей. Кай без труда предсказал бы линию движения каждого, поскольку этот просмотр (он мог сбиться со счёта, но, скорее всего, не сбился) был «сто пятым» на его памяти. Постановка возбуждала в старике

необъяснимую не проходящую во времени любовь, и это заставляло Кая делить с ним каждое новое открытие театрального сезона.

Надуманность сюжетной линии нервировала его в той же мере, в коей и беспечность отдельно взятых персонажей. На скале, выступающей острым пиком из гущи леса, раскатисто горевал колоритный бородатый герой, и куплеты его скорби ударяли Кая в какую-то точку мозга, ответственную за крепкий сон. Над сценой стаями кружили призраки. По волнам несло ладью. Сцены перемежались манящим звоном. Герой мчал за ним.

В жизни так не бывает, думал он, *чтобы снаряды падали и падали всё в ту же воронку, и чтобы люди ничему не учились, совершая одни и те же ошибки.*

Каю очень хотелось спать. На носу сентябрь и третий курс, а о летних каникулах и памяти не осталось. Пару месяцев как он забросил на шкаф зачётку от своей альма-матер им. И. Сикорского. По форме с того момента у него начались каникулы, и самое время повеселиться на свой лад… если бы не дедовы «три кита». Последняя попытка внука к бегству была пресечена назиданием: *«Человек по большей части сделан из книг. Недостающее дополняет театр. Если эти две части из него убрать, то остаток сводится чуть ли не к одному лишь желудку. Ты же не хочешь уподобиться желудку*?»

Кай точно не собирался уподобляться желудку, но и свя-

зывать свою жизнь с книгами, с театром или с чем-то таким не собирался. Он намеревался выйти в инженеры ЭВМ или кибернетики (как пойдёт) – судьба ФИВТ* в его политехе пока ещё только решалась, но в сентябре 1985 факультет обещал заработать и студентов к себе потихоньку перетягивал (**Прим. авт. – комментарии к некоторым понятиям, именам собственным и цитатам приведены в последней главе книги*). И пусть все три месяца каникул были безнадёжно испорчены – то практика, то курсы, то соревнования, – но Кай мечтал о начале семестра, его влекло будущее, связанное с тайной механикой мира, с машинами и системами, которые всё знают и даже отвечают на вопросы.

Его «Сикорский» для этого подходил лучше всего.

…

На сцене громыхнуло. Голову так и клонило к подлокотнику. Признаться, в его симпатичной кожаной книжечке с печатями «Сикорского» не хватало одной подписи. Вследствие необоримого внутреннего сопротивления он не сдал экзамен по Истории КПСС. И выбор в пользу театра, но в ущерб зубрёжке вопросов о ленинизме и компартии, не показался таким уж мучительным.

Он поморщился, поменял руку под щекой и направил невидящий взгляд на подмостки.

Дирижёр осенил воздух замысловатым альтовым знамением, и оркестр замер. Сцена скрипнула. Ангелы громко затопали. От кресла пахнуло чем-то старым.

Дед благодарно ударил в ладоши. Кай сделал вид, что изучает программку с коротким либретто, а вместо этого снова пожалел о хорошем сне, чтобы мягко и никто не будил…

Семья

Он значился последним отпрыском семейства Острожских и достаточно хорошо помнил себя лет с пяти. Своего полного имени, длинного и неповоротливого, он не любил и даже стеснялся, а паспортисты при одном взгляде на первую строчку документа закатывали глаза. Если точно, то полным именем за свои девятнадцать лет он ни разу и не представился, а друзья и близкие называли его Кай.

Родители его умерли очень давно, и Кай с младенчества воспитывался дедом. Если же быть совсем точным, а Кай любил точность в определениях, то родители его не умерли, а, «возможно, умерли», потому что о них он не знал ничего, кроме того, что их нет. И это был *терминологический* тупик.

Маленьким он принимал сказанное взрослыми на веру, став старше – начал задавать вопросы. Но любое упоминание о родителях приводило к тому, что дед Егор переводил разговор на другую тему, а чаще молча вставал и уходил. Кай наседал, сердился, выведывал хитроумными способами, но пробить его броню не сумел. Не помогли также знакомые и соседи – в дом у «нашей Софии» они с дедом переехали уже только вдвоём. Узнать о родителях он мог лишь от семьи, а семья его была дедом. И это был тупик *генеалогический*.

Кто-то удивится, «двадцатый век, вторая половина вось-

мидесятых – при желании можно узнать что угодно!» – … Всё так, но узнать ничего не удалось. Даже сверхосведомлённая тётка из «Стола справок» на его запрос рыкнула: «Данных нет». «Какая-то чёрная информационная дыра», ответно рыкнул Кай, сминая и выбрасывая узкую полоску справки.

«Чёрная-нечёрная, а просто плохо искал», – рационально заметит скептик. Порылся бы в альбомах, что-нибудь понял из домашних вещей… – О, так выглядит тупик *археологический*!

Никаких вещественных источников эпохи его рождения в доме не водилось. Больше того, Кай вообще не нашёл ни одного своего снимка из раннего детства, ни-од-но-го, хотя бы себя в ползунках. А ведь у каждого его одноклассника была такая фотография – счастливые мама с папой выносят стёганный свёрток из роддома. У каждого. Кроме него.

Разве не подозрительно?

Подозрительно. Вообще, как-то во времени всё перепуталось. Иногда ему казалось, что он этот самый момент на ступеньках помнит. Её, то есть мамины, волосы и чьи-то замшевые туфли в дырочку. Коричневые. Но такого быть не могло. Или вот… удаляющееся лицо женщины в его памяти, размытое каким-то волнующим туманом. Может и не её лицо вовсе, теперь не узнать. И почему волнующим – Кай тоже не смог бы объяснить. Но при мыслях об этом сердце его давало о себе знать где-то в районе горла.

Такое перемещение сопровождалось риском не вовремя расплакаться, а Кай не стал бы этого делать даже в случаях «можно», «пора» и «надо». Потому что «парни не плачут. И не досаждают другим своим любопытством». Так учила его Муза Павловна.

Дед Егор на всё имел собственную точку зрения. Здесь он где-то вычитал, что за свою жизнь человек проливает слёзы в объёме семи вёдер. И без этих семи вёдер в организме даже нарушается какой-то терапевтический антибактериальный баланс. Потому, вслед за автором твердил дед, плакать полезно для здоровья. Кай ни разу не видел деда в слезах, да и звучало это как-то противоречиво. Ведь от слёз и скорби можно и умереть.

Такая смерть долгое время представлялась Каю особенно страшной, очень медленной и прекрасной. Стыдно признаться… в детстве он иногда о чём-то таком мечтал, особенно когда злился на деда.

Пусть бы я умер от горя, думал он тогда. *Чтобы все, кто знали его, тоже потом умерли от горя. Или нет… лежу я такой с кинжалом в груди. А вокруг все плачут. И чтобы история не заканчивалась и стала одной из самых страшных родовых тайн, и рассказы о ней ходили даже через многие века. Или, вот! История вдруг передумывает и спасает меня. И все жалеют, что плохо со мной обращались.*

Но подрастая, Кай начал понимать, что от такой славы нет никакого проку. Уж если прославиться, то за какое-то слож-

ное, но понятное геройство с невообразимой тайной в глубинных мотивах. Чтобы куда ни кинь, а всё загадка, и ключ к разгадке – новая загадка. Чтобы у тебя один заряд. И один выстрел. И чтобы надежда только на тебя, желательно, у всего Древнеграда. Или у всей Гардаринии. А то и…

Это новое открытие в своё время дало толчок другому нескучному упражнению – он начал придумывать загадки сам, среди которых в первую очередь крутились причины исчезновения родителей.

Получалась белиберда, но тревожная, щемящая. Ему представлялись мрачные каменные бастионы, черепичные купола, церковники с бездушными глазами, фонтаны… фонтаны… суровые переговорщики в портупеях, которые запугивают и разлучают влюблённых, и даже разломы земной коры, пожирающие город. Последнее – для того, чтобы непременно было страшно, потому что ничего страшного или пугающего с ним в жизни не происходило, а без этого ни кино, ни книжки ему интересными не казались. Интриги, тайны, предательства, алчность и стихия – чем не движущая сила захватывающего сюжета об особом герое?

Он так увлёкся этой фантазией, что перестал спать – ночами во мраке коридора ему мерещились злобные тени. Музе Павловне стоило больших трудов успокоить его. Мягко улыбаясь, она гладила его по волосам и приговаривала: *«Не бойся, там никого»*.

Став ещё старше, в какой-то момент он понял, что пред-

ставлять себя особым героем было и несерьёзно, и грустно. И хотя от этого делалось не так скучно и менее одиноко, всё сводилось к обычной жажде признания.

Кай мрачнел от этой мысли, это звучало как-то стыдно. Но в один прекрасный момент всё развеялось – он сообщил себе, что тайны при неправильном обращении могут портить людям жизнь, перестал мечтать и запретил себе фантазировать.

Дед понаблюдал-понаблюдал за ним и выдохнул с облегчением.

…

Кай взрослел, и характер его принимал всё более интровертные черты. Его не слишком занимали игры с одногодками, как и свойственные подросткам развлечения. Он жил в окружении трёх необычных стариков: «книжного червя», «питерской, из бывших» и «римского попа», как за глаза окрестили их соседи. По мнению последних, те совсем не походили на *типичных* советских граждан, и, по существу, ими и не были. Дед «жил» книжными мирами, Муза Павловна «жила» мирами Серебряного Века, Каргер – «мир» оставил давно. Он служил священником в католической церкви.

Такая неспешная размеренная жизнь, чьи самые бурные всплески были сопряжены с подгоревшим субботним пирогом или с приступом ревматизма у деда Егора, превратили Кая в не очень общительного домоседа. К семнадцати годам Кай не без удовольствия и даже тихой бравады признал ком-

фортность своего существования. А деда просто любил, такого как есть.

…

Признаться, дед был невыносимо методичен, его скрупулёзность в суждениях граничила с занудством. И не было такого вопроса, который, влетев в его ухо, вылетел бы из другого без развёрнутого проработанного ответа. Дед Егор доверял книгам. Чем старше книга, тем больше к ней доверия. Он часто повторял за кем-то ещё более последовательным и методичным: *«Чем дальше назад ты можешь заглянуть, тем дальше вперёд сможешь увидеть»*. Половину свободного времени дед посвящал книгам, оставшуюся часть – обсуждению прочитанного.

Вчера, например, вытряхивая Кая из скорлупы уединения и безделья, дед Егор зашёлся хрипловатым старческим смехом. Утирая слёзы и приговаривая «вот же, черти талантливые!», дед, зачитал вслух:

«Волны перекатывались через мол и падали вниз стремительным домкратом», – ну ты слышал такое, Кай, – домкра-том!!!

Кай на это вежливо кивнул, улыбаясь и изображая тактичный интерес.

«Здесь же что ни слово!.. Ха-ха!.. ну ты хоть уловил? *Падали вниз!* А куда ж ещё-то?!! *Стремительным домкратом!*

Халтуу-урщик, вот же прохвост! А имя-то, имя – *Ляпсус!* Что ни имя, то просто кричит! Ах, златоусты оба…»

Тем утром свои мысли на этот счёт деду он решил не открывать, но, слушая его, заметил про себя, что раз уж автор задумал придать картине падения экспрессивную наглядность, то человеку с богатым воображением лучшего образотворческого эпитета не сыскать. И дело не в волнах. А в падении. Уж если грохнет такая хрень, то не соберёшь, с концами…

К слову, принципы дедовой педагогики опирались на трёх китов: «ты должен набираться ума», «ты должен спортивно развиваться» и «ты должен культурно расти». Сколько помнил себя Кай, так и было: пять дней в неделю учился в школе, попутно набираясь знаний в школьном клубе «Эрудит»; утро вторника и пятницы занимала конноспортивная школа; выходные – понятно, культуре.

Кай повзрослел, и к девятнадцати в его жизни мало что изменилось. И, как вы уже поняли, сегодня, к началу нашего знакомства Кай с дедом сидели в ложе бенуар Старого Театра – программа куда уж культурней. Несмотря на то что Кай опасался незаметно вырастить в себе тождественное количество занудства, он скорее, был рад, что похож на этого человека.

«Наша София»

Шагая домой из театра, Кай обнаружил, что в голове его снова крутится мысль о родителях, но разум, отяжелевший

под горьковатым парковым настоем, бунтовал против любых серьёзных дум.

Отчего-то не по сезону зацвели каштаны… слишком поздно в этом году…

Он покосился на длинную фигуру рядом – дед отбивал шаги тростью по асфальтированной дорожке.

Кай давно не был ребёнком и понимал, раз они с дедом носят одинаковую фамилию Острожских, то мать по какой-то причине на отца его не записала. Чем тут было хвастать? Дело *понятное*. Вариантов на ум приходило не так много, а поводов для гордости ещё меньше. Но чтобы прям так уж годами уклоняться от неприятной правды? В подобные минуты Кай испытывал к старику смесь из остывшей досады и сострадания. Может и вправду самое лучшее думать, что родителей с ним разделила смерть? Против неё не попрёшь…

Внезапно сквозь безмолвие парковой аллеи прорвалось задорное «Бразес Луи-Луи-Луи…», и Кай вывалился из размышлений прямо в шум проспекта. Сквер закончился, они вышли к дорожному переходу.

* * *

В разгар выходных Древнеград не собирался засыпать. С площадок кафе доносились звуки музыки. Из полуоткрытых окон прорывались аккорды новостей и гул футбольных матчей. По проспекту ревели ночные гонщики, глухо тренькали трамваи и где-то монотонно цокали подковы конных экипажей: *«Кремц-кремц-кремц»*. Неведомо каким образом сре-

ди всего этого грохота слух улавливал далёкий шум ручья и хлопанье крыльев.

– Э-эй… трибога в душу тарантас! Вот, лихач, – ругнулся дед, взмахнув тростью на нахального мотоциклиста. – Головы посносит, собирай вас потом…

– Дед, сам не таким был? И аппаратище под ним…

Дед снова сердито уставился на дорогу.

– Перья, случайно прилипшие к заднице, никого ещё орлом не сделали.

Бывший лётчик бурчал по-стариковски, но в этот раз Кай опасения деда разделял. Он перевёл взгляд под ноги. Утром в новостях показали, как на Золотоворотской на глазах у горожан огромный участок дороги разнесло взрывом бешеной мощи. В коротком ролике даже несколько секунд показывали столб из обломков кирпичной кладки, ржавого покорёженного железа, каменной крошки и грязи, заляпавший балконы и окна аж до шестого этажа. А воронка, которую в гневе рассматривали жители этих шестых этажей, в диаметре была не меньше тридцати метров.

Мэрия оправдывалась, «*не взрыв, а прорыв*», прорыв старой водопроводной трубы.

Как и мэрию Кая не слишком заботили городские сети, но отчего-то запомнился странноватый назойливый очевидец. Он всё лез и лез в камеру, тесня чиновника с репортёром. Из его выкриков можно было понять, что прежде чем его самого снесло с ног и всё вокруг заволокло рыжей пылью, до того

как асфальт начал бугриться и вздуваться огромной подушкой, прямо на месте провала он разглядел нескольких людей, медведя и быка. Когда же гриб из глины, воды и подземных газов осел, и селевый поток затопил всю проезжую часть – никого не стало. Внутри воронки, зиявшей краями рваного асфальта, почему-то никого не обнаружилось.

«Вы меня слушайте, где? ГДЕ?!! Куда делись? Я вии-идел! Бесовский сговор! Я знаю! Что вы мне тут *это*?!!» – истерично вопрошал он.

Чиновник стеклянно смотрел мимо камеры и продолжал скрежетать, мол, граждане, меньше паники, мол плановая опрессовка труб, бывает. Остальное – фантазии.

Слева в ухе прозвучало:

– …и я о том же – стёкла в домах повыносило, дырища – не обойти не объехать. Говорят, оползень до камеры канализационного коллектора, еле остановили. Хорошо хоть стоки не задело, ага. Летело бы гов…

Похоже, к этому моменту мысли деда и Кая, сошлись, описав неправдоподобно сходную кривую.

– Сказали ж, опрессовка… – зевая, бросил Кай.

– Да врут, не привыкать. Вон в зоологическом музее парочку за *«этим делом»* словили, а на амвоне Лавры, рядом с ликами святых, подрались кришнаиты с православными. На колокольне «нашей Софии» голые блудницы с плакатами груди показывали – *вот это* новости. Кому нужны сбежавшие быки и медведи?

Кай усмехнулся. Дед, который, по обыкновению, ёрничал с большой творческой отдачей, продолжал:

– И что ты думаешь, – сторожа музейные разрезали болгаркой цепи, закрывающие вход на колокольню, впустили милицию и всех приняли, голых как есть.

Кай фыркнул.

– Сенсация для стариков, вроде тебя. Вот бы попы с болгарками да против блудниц – это был бы сюжетец! А так…

– Да уж… По болгаркам *ты* у нас мастак… – дед махнул тростью и покачал головой.

Кай покраснел. Хорошо хоть в темноте никто не мог увидеть ни его пунцовых щёк, ни его перебинтованной руки с пятнами крови и зелёнки.

Физический труд, и правда, не самая сильная его сторона. Шлифовка кадрана для солнечных часов по макету Горыныча (шефа клуба «Эрудит») обернулось очередным разочарованием. Старая полусточенная болгарка вывернулась будто живая, и в мгновение весь балкон был залит кровью. На крик подскочил дед и передавил ладонную артерию. К счастью, полотно прошло вскользь, но в итоге правую руку пришлось зашивать в медсанчасти. И всё это как раз перед походом в театр.

– А что говорит Каргер про эти взрывы? – перевёл тему Кай.

– Говорит, мол, подземные речки шалят… а быки и медведи… галлюцинации, короче.

Но Кай уже не слушал. Лёгкий ветер, приносивший аромат запоздалого цветения каштанов, дремотно шелестел листвой. Вдобавок откуда-то из кафе потянуло сдобной выпечкой, и в носу защекотало. Он почувствовал, что ужасно проголодался, и разозлился на деда снова. Тот ведь намеренно не захотел вернуться домой на такси, «пройдёмся, пройдёмся». Пахло очень вкусно. Кай знал, что у Музы Павловны к их возвращению готова тарелка блинов с кленовым сиропом, и сейчас, прихрамывая на своём протезе и кутаясь в длинный шёлковый палантин, она наверняка ждёт их под домом.

Так было всегда в дни их «культурной» программы.

От этих мыслей на душе стало легко. Раздражение улетучилось. У него есть семья. Два… нет, три добрых человека, которые всегда рядом. Есть Рагнар. Есть «наша София». У многих и этого нет.

В ухе по-прежнему монотонно гудело:

– Остолопы, трибога в душу…

Каю вдруг стало совсем весело.

– Дед, нету никаких богов! Будь они, летели бы девицы голые с нашей колокольни *«стремительным домкратом»*.

Он шагал, улыбаясь мигающей в далёком небе звезде и утопив руки в карманы.

– Молодец, запомнил… – дед мерно выстукивал тростью по каменной кладке.

От Старого Театра до их дома – всего пара километров,

и вскоре дед с внуком свернули на узкую улочку, ведущую к кварталу из тех, что называют «историческими». Очень быстро стемнело, в свете фонарей стал виден пятиэтажный дореволюционный дом из тех, что называют «царскими». Кай уже мог разглядеть высокие стрельчатые окна, пилястры и лепные украшения из тех, что мыть и чистить от птиц – то ещё удовольствие.

Они прошли мимо арочных ворот и повернули.

Кай поднял голову – в сотне метров от заборного вала, в лунном свете золотились купольные луковички «нашей Софии». Стройно белела расписанная под византийское кружево колокольня. Месячный свет скользил по вершинам деревьев, и отсюда, снизу, линии куполов и крыш выглядели ещё более загадочными.

Дед Егор любил повторять, что история Гардаринии писалась именно здесь, в «нашей Софии». Их дом выстроили на бывших монастырских землях, а за них полегло немало народу. Чьи кости хранят седые камни и древний двор собора, памяти уже не осталось, но веками кто-то нападал, а кто-то отбивался. И первые, и вторые нашли конец у этих стен.

От мыслей о костях и скелетах ему всегда становилось жутко, потому удобнее было считать, что дрожь, пробежавшая по телу, объясняется не думами о смертях и погостах, а густой ночной прохладой. Он зябко повёл плечами.

История

Время шло к полуночи. Они подошли к последнему пере-

крёстку.

– Что-то Музы Павловны не видно… – дед вглядывался в полумрак у подъезда.

– Ушла, наверное. Холодновато.

Кай поискал глазами свой балкон, затем привычно бросил взгляд в направлении Межевого переулка, залитого светом фонарей, и почувствовал острый холодок, будто сигнал.

Он оглянулся.

…

С незапамятных времён здесь царила чуждая всем формам легкомыслия атмосфера деловой активности пассивного свойства. Такой вот городской оксюморон. Тон всему району задала старейшая в Древнеграде часовая мастерская. Вслед за ней здесь пустила корни пара скучнейших контор – нотариальная и адвокатская. Дальше – лавка букиниста, она могла посоревноваться с соседями в толщине пыли на полках. Рядом же, скромным оплотом социалистической респектабельности, витринами блистали ювелирный магазин и антикварная лавка. Позже сюда перебралась пара посольств европейских государств глубоко нордического склада. Их флаги сейчас лениво колыхались на древках над солидными кованными оградами. Всё остальное дремало.

Кай здесь вырос, узнавал каждый булыжник и доску в заборе, каждого кота на водостоке. Но на этот раз его внимание зацепил какой-то изъян в холодном застывшем антураже – привычный порядок был нарушен. На узкой полосе газона

под червлёным щитом с золотым коронованным львом, сжимающим в лапах серебряную секиру, в столбе света у стены, склонив голову к поджатым коленям, сидела светловолосая девушка.

Она была слишком яркой для этого места. И весь переулок озарился её присутствием. Ярким в ней было всё… но самым ярким – бирюзовая кофта или..?

Девушка съёжилась от холода.

Кай сделал несколько шагов, поворачивая за дедом Егором…

Затем снова посмотрел на девушку – его взгляд просто плавно переместился, будто она была горящим факелом на сером фоне.

Он остановился, несколько секунд раздумывая, а затем ноги, рассогласовываясь с планами мозга, понесли его в сторону одинокой фигурки.

– Дед, стой, я… я сейчас, – бросил он, совершенно не представляя, что собирается делать.

Дед от неожиданности замер на середине перекрёстка.

– Э-э, погоди! – опершись на трость, он с удивлением проводил глазами внука.

– Да тут… – Кай был уже в нескольких метрах от неё. – Человеку пойти некуда… И ночь.

– Мда-а-а… История… – дед Егор усмехнулся.

На звук голосов девушка повернула голову и, глубже вжимаясь в стену, запахнула свою яркую кофту.

Она окинула Кая таким сердитым подозрительным взглядом, что он снова засомневался и на секунду остановился.

Но фонарь качнулся, свет выхватил из тени её лицо, и Кай смог понять, что же такое яркое сбило его с пути. *Цвет глаз. Её цвет глаз! Сиреневый, такого не бывает, но, оказывается, бывает!* – и это открытие его очень сильно взволновало. Может потому, что с разделяющих трёх метров он не должен был разглядеть ничьих глаз, но он *их видел*.

Кай не хотел пугать её сильнее, но не смог приказать себе остановиться…

В этот момент от него, кажется, уже ничего не зависело, даже он сам, потому как в следующий одновременно случилось несколько событий, и развивались они с такой быстротой, что никто не сумел бы охватить всю картину целиком.

В траве, в полутора метрах от девушки что-то блеснуло, омерзительно живое и целеустремлённое.

На секунду Кай остолбенел, пытаясь оценить обстановку.

Рюкзачок. Смятая обёртка от мороженого. Змея.

В центре города? Серьёзно?..

У ног. Змея. Молоко.

У ног.

И ОНА ЭТОГО НЕ ЗНАЕТ.

Кай в два шага преодолел разрыв, схватил девушку за руку и что было силы потянул на себя, в сторону от леденящего душу скольжения. Девушка охнула, проследив за его взглядом, и, помогая себе рукой, вскочила. Последовал вскрик

как от боли – в смеси грязи, травы и крови из её ладони торчал кусок битого стекла. На миг она растерялась, кажется, не осознавая, что пугает её больше – поступок Кая, змея или вид крови на руке. Она попыталась уклониться, одновременно выдёргивая из ладони осколок, но в следующий момент, обнаружив живую крапчатую ленту уже под ногами, завизжала, подпрыгивая.

Змея тоже испугалась, дёрнулась. Бурая спина блеснула зигзагообразным узором. Змея занесла свою треугольную голову в броске и поползла к ним…

Дед, наконец, тоже пришёл в себя и, подскочив, размахнулся своей тростью, но лишь взрыл землю, чертыхнулся и снова ударил. На миг змея скрылась в траве.

– Мистика тебя задери, да где ж ты?! – зло выкрикнул он, вглядываясь в полумрак под ногами, и снова замахнулся, ударяя вслепую.

Змея не спускала с Кая своих холодных глаз, огибая их по мягкой газонной траве, с шипением совершая бросок за броском, не то нападая, не то отпугивая.

В спину ударил внезапный порыв ветра, Кай почувствовал, что его сносит с ног.

В паре десятков шагов от них из сумерек появилась фигура Музы Павловны, концы золотистого палантина метались под порывом ветра, не давая сделать шаг. С годами ей было всё труднее двигаться быстро, протез совсем плохо слушался.

Последним участником, на глазах у всех, с неба в траву сверкающим разрядом упала острая трезубая молния. И всё превратилось в совершенное безумие.

Мистика

Нет, это была не молния, но серебристая птица, распластавшая крылья за спиной, пикирующая головой вниз, у самой земли выпустившая когтистые лапы и схватившая змею. Птица выглядела столь же величественно, как те, что на гербах, под которыми присягают на верность.

Широкие крылья били в воздухе, резкий клёкот птицы и шипение змеи смешались в какой-то агонической схватке. Змея извивалась, оплетая крепким телом лапы птицы, пытаясь впиться своим зубом в пышное оперение, но не причиняя ей вреда. Птица била клювом, стискивая плоть змеи когтями, но не могла набрать высоту. Хвост змеи обвил шею птицы, они уже не могли расцепиться, у глаз Кая метался неистовый комок из перьев и змеиного жгута.

Он на секунду зажмурился и вскинул руку, отшатываясь от кружащих в воздухе соперниц – крылья хлестали Кая по лицу. Он просто не мог отступить – у девушки подкосились колени, она безмолвно оседала на землю. Что бы не привело сюда эту птицу, она не могла одержать верх над змеёй, а та не могла отбиться от неё.

В какой-то момент всё произошло без его участия – он не помнил, как перебинтованной рукой сжал окровавленную ладонь девушки, другой рукой обхватил её за плечи и, ото-

рвав от земли, будто ребёнка переставил с газона на дорогу.

Волосы девушки застилали ему глаза. Ничего не видя вокруг, он почти волочил её, оттаскивая подальше от схватки, надеясь, что она сможет встать на ноги, и они убегут. Однако, это оказалось только началом ужаса. В следующий миг Кай обнаружил что теперь под их ногами расползается и крошится асфальт, что воздух по какой-то причине скручивается в непонятные вихри вокруг их лиц и рук. Их обдало жаром. Одновременно, разум отметил, что слух будто проваливается в бесшумные ямы. Вперемешку с прорывающимся откуда-то рёвом.

Паника заглушала ужас. Он попытался одновременно следить за дракой и за расползающимися трещинами под ногами, но споткнулся о вывернутый камень. Потеряв равновесие, он начал опрокидываться на спину. Тонкие пальцы, вцепившиеся в его курточку, разжались. Птичий клёкот взвился к какой-то запредельной акустической частоте, раздался девичий визг, затем не пойми откуда прорвался глухой дрязг, и в следующий момент нечто багрово-чёрное, неописуемо страшное подобие несущейся на него крылатой горы в светящемся ореоле, смело Кая с ног.

И Кая не стало.

Хтоник

Он не видел часов, но вдруг понял, что стрелки остановились. Тело его зависло в воздухе.

Волна страха прокатилась от мозга к позвоночнику. Он

видел себя сверху… Он много раз читал о подобном, но всегда относил авторов к разряду сказителей девяносто девятого уровня наглости. Чёрная масса, которая представилась ему на доли секунды крылатым валуном, разрасталась вокруг него непроницаемым туманом. Сам воздух сковал его, свиваясь в ощутимые кожей шипастые кольца, сверкая, раскаляя воздух багровыми языками. Он пошевелил плечом – шипы впились в тело и внутри всё начало гореть.

Последнее, что он видел – ярко-красные глаза чудовища и дымную его глотку. Встретившись с глазами Кая, они заполнили собой весь его разум.

* * *

Лицо деда Егора выражало страшное страдание. Дед не мог говорить, он не мог чётко вспомнить свой кошмар, он не мог вспомнить, почему он считал это всё таким реальным, почему он всю жизнь этого боялся… Его руки и ноги были холодны как лёд, мир вокруг потемнел, страх затопил его целиком.

Дед видел, что Кай провалился в горящий разлом, он услышал его крик, хриплый, пронзительный, режущий уши, словно ножом. В его руках была трость, но он не мог пробиться сквозь вихрь из огня и дыма, только в ужасе смотрел на тело Кая, дымящееся в невидимых оковах.

Он задрожал, увидев Кая умирающим, свою жену умирающей, умирали его дочери, умирали родители, всех своих друзей он видел умирающими, все умирали, и в самом кон-

це он тоже умирал, один, абсолютно один. Это был его тайный кошмар, о котором он никому никогда не говорил. Он знал, что умереть в одиночестве, умереть от горя – его самое большое наказание.

Дед тихо заплакал.

* * *

Кай чувствовал себя мёртвым. Нельзя описать это какими-то точными признаками. Внутри был холод и отсутствие красок, снаружи огонь, буря. Между ними – лишь тонкая, но очень прочная нить, ведущая к мозгу. Мозг работал чётко, будто наконец освободился от утомительной бессмысленной связи с телом, которое лишь засоряло красоту обмена внешнего с внутренним.

Впервые в жизни, обретаясь в пограничном состоянии между жизнью и смертью, он *узрел*, но не глазами, а как-то иначе, истинное своё тело. Увиденное было не плотью, не материей, не анатомически правильным набором костей, сухожилий и мышц в оболочке из розовой кожи. Нет, его телом в тот момент стала сияющая золотисто-голубая дымка, фрактал с его ИМЕНЕМ. Будто капля акварели, расплывающаяся в стакане воды. Обманчиво бесформенная, но одновременно алгебраически множащая самоподобие в бесконечной рекурсии. Отвечающая не топологической, а дробной хаусдорфовой размерности, хоть он и понятия не имел, что все эти слова означают. Разумная капля, ведь он мыслил. Без чётких границ, часть Тварного. Принадлежащая Нетвар-

ному.

Он едва мог двинуть рукой, сотканной из множества плывущих вокруг его ИМЕНИ сияющих разноцветных нитей, и этот миг его жизни меньше всего подходил для признания существования всякой эзотерической мути вроде ауры. Но другого объяснения не подыскивалось.

Он ничего не знал о физике этого сияния. Он, как форма жизни, обратился в цвет, и это единственное спасло его от мгновенного стирания в окружающей палитре. Холодно работающий мозг сообщил, *«цвет – это волны определённого рода электромагнитной энергии, которые после восприятия глазом и мозгом человека преобразуются в цветовые ощущения»*. Значит связь между мозгом и глазами пока жива. Надо постараться не потерять её.

Он должен вернуться. Должен.

Что-то внутри или снаружи помогает ему.

Голубое и золотое – это его защита.

* * *

Асфальт под ним бугрился, вздымаясь и расступаясь обугленными трещинами. Улицу поглощала растущая гигантская чёрная воронка. В голове всплывал обрывками какой-то невнятный речитатив. Мир вокруг не сопротивлялся, вспыхивая по линиям разлома обгорающим картонным муляжом.

Если бы Кай мог сказать хоть слово, то в этот момент он бы кричал от страха, он бы весь превратился не в цвет, а в

звук. Теперь каждый миллиметр распадающегося на гранулы и нити тела отдавался резкой болью. Золотисто-голубое поле обвивали огненно-чёрные языки из бездонной пасти, он чувствовал, они способны его разорвать, а может испепелить, или расщепить. Он чувствовал, что его защита не усиливается, но слабеет с каждым вздохом. И дышит он или нет, но его невидимые материальные кости медленно готовятся перейти в что-то более мелкое чем песок.

* * *

«Я.. умираю?», – мозг теперь был сам по себе, он отделялся от ИМЕНИ. Осколки мыслей, больше не принадлежащие его совершенному фрактальному телу, бились в тонущем в черноте сознании, они не знали, *о чём* они теперь. Их некому было думать.

Что-то раскалённое, будто хлыстом ударило поперёк его тела. Золотисто-голубая оболочка была разодрана и истончилась, он ощутил, как красивое яркое пятно цвета начало разделяться, терять краску, рассеиваться. Он превращался в *серое*. И это было совсем не то, что быть ярким акварельным средоточием жизни. Серое ещё не мертво. Но смерть точно проходит через этот цвет. От самого яркого, которое может быть никто и не замечал в тебе, Кай. Как и ты сам. Но к чёрному.

Вот где настоящее НИЧЕГО.

Чёрное не могло быть живым. Не могло быть хорошим. В чёрном нету цвета. Хуже того, в нём нету света, чёрное это

признак отсутствия светового потока от объекта.

Чёрное – это ОТСУТСТВИЕ.

Нет. Точно, нет, подумало ИМЯ.

– Кай! – выдохнул какой-то голос в мире без цвета. – Кай! Будь здесь. Говори со мной!

«Кто это?» – глаза, связанные с этим именем, открылись в столбе мрака, мёртвые и пустые.

Где-то за пределами утягивающего его вихря из огня и камня, как за стеной, были цвет и жизнь. Почти не было серого. Совсем мало чёрного. Это ПРАВИЛЬНО. Но зрение, подчинённое разуму, которому больше не было нужды справляться с сумбуром мыслей, отметило жутковатую перемену.

* * *

Там, в цветном мире, у него, кажется, остались родные люди… или нет?

О, да… что-то такое он помнит. Он хочет, чтобы они жили.

Вокруг них, кем бы они ни были, всё необъяснимо застыло…

Кажется, время начало течь с разной скоростью.

Это был подарок. Подарок времени, неожиданная спасительная неправильность. Вихрь не подпускал внутрь, и не отпускал наружу. Но не причинял вреда никому, кто находился вне его границ. Потому что те, снаружи, застыли, обратились почти в камень.

Что с ними?

Один замер с воздетой к небу тростью, рассекающей воздух, след её движения мерцал застывшими серебряными искрами.

Кто-то с ползущим с плеч палантином, будто окаменел на полушаге с раскинутыми руками.

Яркое… самое яркое среди них словно оцепенело в падении, и длинные пряди волос заструились в воздухе, пряча сиреневое…

И ведь ещё было нечто… без собственного цвета.

Змея?

Он поискал. Её швырнуло в сторону, и она зависла в мучительном изгибе в нескольких метрах от земли.

Сознание Кая меркло.

Под натиском жара пышная осенняя зелень на ближних кронах усохла. Деревья обернулись черными сморщенными скелетами. Они тоже умирали.

* * *

В этот бесконечно медленный момент сквозь зажмуренные глаза его ослепила молния из миллиона красок, он услышал над собой стремительный свист крыльев.

«Кееек-кееек-кееек», – в этом звуке слышалось властное нетерпение.

Кай разомкнул ресницы и в мельтешении пятен света разглядел уже виденный им трезубый росчерк, ворвавшийся в самый центр вихря.

Это – спасение. Это – сама жизнь.

Он не знал почему.

Но знал это.

В слепящем сиянии он чётко разглядел сокола, птицу, на которую разный ток времени от чего-то не действовал.

Сокол и есть миллион красок жизни.

Глубокий вздох. Горный разреженный морозный воздух.

Мёртвым не нужен воздух.

– Кай! Ответь мне!

Бессмысленные звуки, опоздавшие на целую вечность, соскальзывали с пустоты вокруг Кая, мимо Кая: в пустоте разлома не было ничего, за что эти звуки могли бы зацепиться.

– Прочь, – голос был мёртв, настолько пуст, что даже холоду в нём не было места. – Вам не понять, – Кай слышал этот голос внутри своей головы. Его рот открывался без его участия, и звуки эти сплетались в слова сами, как будто жили в нём всегда.

Ведь смерть – это всего лишь иная степень комфортности его существования. Ему могло быть там хорошо, за гранью.

– Нет, – раздался голос. – Я не уйду.

* * *

Многохвостое чудовище взревело хором голосов и отшатнулось от рассекающих воздух, острых как бритва когтей.

Сокол завис над телом Кая, раскинув крылья.

В ушах Кая прогремело:

– ПОГОВОРИМ, ХТОНИК?!!

…

Каргер

В столб кипящего мрака шагнул Каргер.

Самое время было удивиться. Но такие простые чувства больше не были подвластны ему. Он лишь Зрил и Внимал.

И в круге огня и тьмы стоял весь правильный, непримечательно-однообразный и до беспамятства скучный друг деда Егора, священник Каргер.

И Кай узрел *его*. И это был он и не он. *Больше – не он.*

И Кай Внял ему.

И вернулся, и перестал быть лишь цветом и именем.

Всё вокруг стало голосом Каргера, и Кай мог поручиться, что эти его слова были произнесены не обычной человеческой речью. Но он сам от чего-то её понимал.

Кружащий над ними сокол склонил голову и издал пронзительный радостный крик, щёлкнув клювом.

Хтоник, так назвал его Каргер, ответил птице жутким рёвом. Воронка вихря, преодолевая внешнее сопротивление, расширялась в диаметре, в фасадах соседних домов трескались стекла, крошилась штукатурка. Столб асфальтной крошки, дыма и огня уже поднимался выше их крыш, от разрушения спасала только необъяснимая разница в течении времени здесь и там. Словно кто-то остановил вселенский маятник часов. И выключил звук.

Никакого правдоподобного объяснения этому не было, но

правдоподобное и истинное – не одно и тоже.

Кай представил, что время, сгустившись, а может, наоборот, рассеявшись, защищало внешний мир от губительности своего воздействия, превращаясь в непреодолимый барьер. И сущность из мира невидимого, в который, судя по всему, его затягивало, этот барьер преодолеть пока не могло.

Каргер простёр руки ладонями вверх, низко опустив голову. Смертоносный вихрь из мрака и огня не причинял ему вреда, чёрное одеяние струилось вокруг его тела, повинуясь инерции вращения. Каргер упёрся подбородком в грудь, проговаривая непонятные слова. В воздухе еле уловимо почувствовалась вибрация, появилось слабое мерцание, что-то происходило в такт его словам.

Он вернул *Время*.

Каргер не отрываясь, мрачно смотрел на Кая.

– Говори со мной, мальчик, возвращайся, – слова врезались в кожу Кая острыми чёрными осколками льда.

Его сердце сжалось, и внезапно многое перестало иметь значение, важным остался только имеющийся шанс.

Чудовище взревело и разразилось дребезжащим хохотом:

– Ты опоздал, клирик, ты пришёл слишком поздно, – слова его гудели в каждом летящем камне, язык их был чужд уху, но его мысли были Каю понятны. – Твоё чаромудрие надо мной бессильно!

Золотистые глаза птицы встретились с взглядом Кая, и тот почувствовал, что она его не отпустит.

Он жадно наблюдал за Каргером. Пространство наполнилось мерцанием, почти неуловимым и рассеянным, но с каждым словом эти искры наливались цветом, переменчивым, неопределимым, они струились по стихийным траекториям, и казалось в их хаотичном биении не было никакой системы, но ещё через какие-то такты времени к ладоням Каргера начали стекаться голубые волокна, тончайшие. Сначала почти невидимые, дрожащие, не толще паутинки.

Движения его стали ещё более необычны. Как если бы в руках у Каргера был лук и он, геометрически точно отмерял очередной угол поворота и отправлял из него стрелу за стрелой. Вот только лука в руках у Каргера не было, но, запущенные невидимой тетивой светящиеся стрелы уносились в пространство вокруг них. Эти лучи не поражали никаких целей, но их полёт создавал в воздухе ясно различимый светящийся след. Этот след складывался в многоугольную звезду, которая не очень ярко прорисовалась над ними, когда Каргер тяжело опустил руки.

Весь этот парящий вокруг них каркас наполнялся новыми порциями света, сплетался в подобие купола, со всевозрастающей чёткостью и мощью оттесняя клубящийся густой чёрный туман от тела Кая.

Он ощутил, как его самого оплетает золотистое сияние, другое по природе чем голубое, но стекающееся к нему от той же творимой Каргером сферы. Какое-то знание помогало ему понять, что прорехи в его защитном поле благодаря

этим нитям затягиваются, творя из живых растущих волокон спасительный покров.

– Отступись, хтоник, он Свет. Он не твой! – Каргер словно вытолкнул горящий светом знак вверх, и тот воспарил, меняя очертания и медленно вращаясь над их головами.

В этот момент на лице Каргера появилась кривая улыбка.

– Закон выше, клирик. Он Тьма. Он брешь. Таких положено убирать, – тысячерогое существо кружило вокруг, свёртываясь клубами и уклоняясь от ударов сокола со свистом тысячи его крыльев. Голос гремел, но без зла или страха. Казалось, эта игра его даже забавляет.

Кай то проваливался в беззвучие, терялся, то опять выныривал и затем снова глох. Слух улавливал обрывки слов, значимых или нет, он не мог понять. Что-то в нём, – а он не был уверен, что ещё имел глаза, – следило за Каргера.

Тот говорил легко, в его голосе также не было ни страха, ни угрозы. Со стороны могло показаться, что старые приятели играют в покер, в их речах не чувствовалось ненависти, а лишь желание взять ставку. И в этом был удручающий диссонанс. Потому что глаза Каргера… его глаза были затоплены тревогой.

Над ними как прежде парила птица. Каргер немного сократил расстояние до тела Кая,

– Он последний в линии, ты не знал? Он – последняя капля. Попробуй поставить его на Путь.

– Им нельзя было встречаться, – ответила тьма, смахнув

хвостом из огня и мрака кусок стены из света. – Я не ошибаюсь.

Каргер не спускал глаз с Кая, но и одновременно противостоял пустоте, разверзшейся под их ногами. Она пожирала лоскуты творимого Каргером света, истончала защиту на теле Кая, всему этому необходимо было противостоять.

Кай ощущал, каким напряжением духа и физических сил, даже на грани человеческих сил, Каргеру удавалось удерживать их обоих за щитами магической сферы.

Каргер слабел и пытался выиграть время.

– Ты много раз бывал прав, изгой, но не в этот раз. Другого шанса может и не быть. Давай, попробуй!

– Я не помогаю и не мешаю крови. Мне ведомы Пути. Но вред, нанесённый кровью, смывается той же кровью!

Гигантское огнецветное лицо с оскаленным ртом нависло над телом Кая.

– *Facti sanguinis esse parum!* – впервые спокойствие изменило Каргеру. Он сгрёб в охапку несколько голубых лучей и по широкой дуге хлестнул ими по застилающей глаза тьме.

Тьма недовольно крякнула и отступила на несколько шагов, гигантское лицо рассеялось, оскалившись тысячей пастей.

– Думаешь, нам пора перейти на латынь? Ты застыл, власть и право не в твоих руках. Твой нейтралитет уже вреден. Слишком много житейского. Слишком много человеческого, – металлическим дрязгом пророкотал пожирающий

их вихрь. – Слишком много терпимости. Не из-за этого ли Гардариния потеряла связь с Пламенником?

Из тысячи пастей вырвался дикий огонь, оплавив часть нитей спасительного купола. Они дрожали, роняя затухающий свет, вздрагивали и рассыпались холодными искорками, и умирали…

* * *

Если бы кто увидел этих троих издалека, подумал бы, что в асфальте пробился вулкан, а в его жерло из серого сумрака бьют грозовые протуберанцы. Увидев синеющие электрические дуги, он представил бы гром. Увидел бы клубы дыма, языки пламени, облака горячего пара. Противники кружили каждый в своей плоскости, нанося удары и ускользая от чужих в нежданных меридианах, будто слоях, и это было бы самым странным из увиденного. Но взгляд обычного человека не проникал сквозь воздушно-временной барьер. Удары чудовищного хвоста раз за разом рвали сам этот воздух, барьер этот стонал, и после каждого казалось, никто не в силах восстановить текучую целостность их прекрасного солнечно-небесного мира, золотисто-голубого… живого.

И всё же… Золотые с голубым нити Каргера снова и снова латали его, как и тонкую оболочку Кая, делая рваное снова целым.

* * *

Заслоняясь от огня, Каргер выставил перед лицом скрещённые руки. Кай вдруг увидел на его ладонях чёрные

струйки – от каждого ногтя вниз, оплетая фаланги, они скатывались по запястьям в рукава. Он не различал их цвета, но понял, что это кровь.

Кровь пахла чем-то страшным. Её пары расплылись под куполом и врезались в непривычно обострившееся обоняние. Он никогда не думал об этом как о чём-то цветном. Но сейчас его чувства затапливало красным.

Этот цвет был самым сильным. Даже сильнее чёрного.

Затухающий слух уловил:

– И тебе, хтоник, пора выбрать Твердь. Кристаллимы тебе не по зубам. Цикл повторится или станет началом…

Он больше ничего не услышал, но понял, что это было что-то очень важное. Важное для него и для всех. Странность состояла ещё и в том, что всё это было ему откуда-то знакомо… Но он не помнил откуда.

Закрыв глаза и раскинув руки с опущенными ладонями, Каргер медленно вращался в сфере, не касаясь ногами земли. Глянцевые капли срывались с кончиков пальцев. Медленной нескончаемой моросью падали они, рисуя в полёте свой собственный узор. Они больше не добавляли цвета в пространство. Но, благодаря им, что-то снова изменилось.

Каргер проговорил ещё несколько непонятных фраз, и бездна, зияющая багровым и чёрным, потянулась к его ладоням голубыми волокнами, такими же, как те, что он вытянул из света. Почти прозрачные, они сплетались в тонкие нити света, нити обвивали друг друга, образовывая сияющие ли-

нии и опоры, и в какой-то момент Кай увидел, что Каргер уже не парит в воздухе – ноги его стоят на лестнице, ступени её вырастают из огненного мрака разлома и уносятся вверх, в самый центр горящего над головами знака из голубых и золотых лучей.

– Я не торгуюсь. Я забираю моё по праву. Ты слышал Речение. Укротись! – глухо рыкнула чёрная бездна. Багровые шипастые хвосты взрыли остатки асфальта, подняв каменный шторм и добавив сокрушительной мощи вихрю.

Затворы времени, похоже, были на пределе прочности. Вековые каштаны накренились почти до земли, стволы затрещали, и ветви неистово ударили по стенам соседних зданий, над крыльцом их подъезда оторвало козырёк, с крыши снесло несколько кусков черепицы.

Каргер соединил ладони перед собой и выдохнул какие-то звуки, но стали они написаны огнём. Руки его были полностью в крови. Кай вдруг понял, что рукава и спина его тоже промокли. Одежда Каргера была насквозь пропитана кровью

Кай заметил, что знак над их головами, многолучевой купол, обрёл совершенно чёткую форму. Две зеркально наложенных друг на друга фигуры, одна из голубых сияющих нитей, вторая из слепящих золотистых лучей внезапно слились в звезду, в глубь которой уходила лестница Каргера. В следующий миг купол исторг столь мощную волну света, что перерезал плотную завесу из мрака и залил сиянием каждый уголок каждый закоулок между домами на перекрёстке пу-

стынных улиц. И мощь этого знака была настолько велика, что багрово-чёрный клубящийся вихрь из тысячи языков с гудящим металлическим рёвом отпрянул тысячей колец и зашатался.

– Ты осмелился ударить по мне Тьмой? Моей Силой?! МЕНЯ?!! МОИМ ЩИТОМ!? – тысяча гневных глаз вырвались из разлома.

– Ты, помнится, что-то говорил о моём чаромудрии!

В следующий миг звезда обрушилась вниз ливнем из голубых струй. Кай почувствовал прохладу и прилив сил. – Говоришь, дорога тебе Гардариния? Древо умирает. Нити духа тают. Тьма вышла из-под твоего управления. Слишком много терпимости. Слишком много страстей.

– Я скучаю, – буркнуло в ответ со вздохом, и взгляды из колец тьмы приняли почти застенчиво-милое выражение.

– Отступись от парня, и ты получишь Свет!

– *Ты* встанешь на Путь с ним?..

На секунду, а может это была вечность – Кай уже потерял понимание течения времени – установилась тишина. Каждая грань могучего знака опустилась вглубь развороченной бездны прозрачной мерцающей стеной. Лишь шелест крыльев и стук сердца о грудную клетку Кая отмерял смену мгновений. Если внутри него сейчас находилась душа, то она похолодела и сжалась до размеров льдинки, Кай понимал, что эта тишина решает всё.

– *Ты* встанешь на Путь?.. Ты знаешь *цену*, Ипсиссимус, –

буря, или уже скорее лава, подобная вулканической, внезапно начала обретать плотность и форму, словно в руках ваятеля.

Кай уже просто не имел сил удивляться, но в этом обезумевшем жидком камне проявились очертания лица с валуноподобным носом и ртом. В суровых глазницах чёрными ямами загорелись глаза. Ничего ужаснее в своей жизни Кай не видел – живые бездонные глаза на лице из дымящейся раскалённой магмы. И, кажется, в этот момент назначалась цена за его жизнь.

– Я знаю цену, Патриарх, – тихо проговорил Каргер, опускаясь на одно колено и склоняя голову. Затихающий вихрь раздул складки его моццетты, и взгляду открылись блестящие пластины, прикрывающие плечи, на груди сверкнул какой-то знак.

Тишина стала нестерпимой. Казалось, от этой тишины лопнут барабанные перепонки. Или разорвутся сосуды, не выдерживающие бешеные толчки крови камерами сердца. Ну кто-то, разорвите её! Скажите хоть что-то…

– Вне Слова и Глупца, – проскрежетал старческий голос.

– Вне Слова и Глупца, – эхом проговорил Каргер, приложив пальцы к губам, а затем к металлическому знаку на груди.

Каргер встал, разогнувшись в полный рост, пошатнулся и снова согнулся, уперев руки в колени. Он с трудом восстанавливал дыхание. По опалённому в морщинах лицу сте-

кал пот. Лоб и щёки были иссечены и кровоточили. Коротко стриженные жёсткие с проседью волосы и колючие брови были покрыты серым пеплом. Кожа на руках потрескалась от жара, длинные пальцы дрожали.

Он вынул из кармана сутаны нечто похожее на шарф и вытер им окровавленное лицо и шею, затем поправил колоратку и, присвистнув, поднял над головой руку – на неё спланировал сокол.

– Благодарю тебя, Мистика, – он погладил птицу по спине.

Соколицу ещё не покинул боевой раж, она крутила головой из стороны в сторону, но ответила усталым «ии-чип».

Кай видел, как ему тяжело. К своему удивлению, он впервые понял, насколько, в действительности, стар Каргер.

– Если бы не ты, совсем беда… – Каргер провёл рукой по взъерошенным крыльям, расправил несколько перьев. Птица смотрела на него немигающим строгим взглядом. – Ты же присмотришь за ними?

– Ии-чип…

– А тебе не пора ли возвращаться? – продребезжал хтоник недовольным голосом.

Мистика раскинула крылья, оттолкнулась когтистыми лапами и перелетела на соседнее дерево.

Каргер повернулся к лицу из застывшей магмы. Но вместо него уже вырисовалась огромная фигура, скорее человекоподобная… поскольку беспрестанно меняла лик. То медвежья голова покажется, то лицо бородатого старца, то бычья

рогатая голова явит себя. То же самое относилось и ко всей остальной фигуре – мощные крылья сменялись огромными когтистыми лапами, лапы – человеческими руками, руки же – копытами. Кай подумал, что это снова проделки времени, словно оно просто замедлило скорость смены кадров.

Он не ошибался. Снаружи картинка тоже начала меняться. Застывшие в их течении бытия на несколько секунд тела деда, Музы и незнакомой девушки тягуче медленно продолжили своё изначальное следование. Это не было ещё полноценным живым движением, но с той стороны незримый маятник качнулся, и часы с натугой начали ход.

Трость деда медленно рассекала бурую стену вихря. Обдаваемый жаром и струёй раскалённой каменной крошки, он встретился плечом с непроницаемой стеной. Муза остановилась, закрывая лицо палантином. Девушка продолжила падение навзничь, медленно выставляя за спину руку. Змея, скрутившись в восьмёрку, шлёпнулась на асфальт и направилась прочь от растущих трещин в асфальте.

– А тебе придётся остаться… – загрохотало в ушах у Кая.

Каргер успокаивающе поднял руку.

– Я, Водчий всех Путей и Господин же всех дорог, властитель Нави…

– Прости за эннеаграмму, Велес, – прозвучал надтреснутый голос Каргера, в этот момент лицо его было очень спокойным и серьёзным, а глаза холодны. – И прибрался бы ты здесь, пока кто-нибудь не заметил.

– Прощаю… за доставленное удовольствие. Мой Щит не всякому академику даётся. Ты хорош, не спорю, – могучий седовласый старец в дорожном плаще, с длинной бородой, заправленной за кушак, наконец определился с внешним видом. Он воздел посох к сияющей композиции из двух наложенных друг на друга треугольников. Купол дрогнул, плавно поплыл к нему и нанизался на посох, и Кай почувствовал ощутимое изменение, самый момент, когда выровнялся ход времени этого мира с внешним. – И приберёмся. Как известно, Каргер, созидание – моя вторая натура.

Почти тотчас в свете фонарей рассеялась удушающая каменная буря, из развороченной земли под их ногами выплеснулась лава, на глазах заполняя рваные трещины, остывая и обретая вид и плотность асфальта. Пострадавшие фасады по камешку восстановили свой вид, трещины и выбоины затягивались родной штукатуркой.

– Единственная заповедь – не повторяться… без канализации в этот раз, – прогудел старец, мрачно осматривая перекрёсток. – Козырёк уж оставим так, если никто не против, – голова его в этот момент начала принимать форму бычьей, её увенчали мощные рога. – Для достоверности добавим картинке реализма, – Велес шевельнул посохом, и на многострадальный покорёженный козырёк подъезда сверху обрушилась огромная ветка каштана.

В следующий момент Муза, дед и девушка вернулись к естественному человеческому темпу, и их глазам открылась

фантастически абсурдная сцена – неуклюже болтающийся в сине-золотом сиянии Кай, белобородый старец с завидными рогами и смиренный священник Каргер, окровавленные руки которого словно лианами были опутаны нитями света, уходящими к небу.

Дед Егор шагнул вперёд:

– КАРГЕР?!!

– Давай-ка вернём тебя, парень, – с этими словами Каргер сцепил пальцы обеих рук, и мерцающие лучи повлекли Кая вниз. Едва они коснулись земли, Каргер виновато кивнул деду.

Тупик Острожского

Сияющая сфера, сотканная из золотых с голубым лучей, начала рассеиваться.

Быть непосредственным участником этой дикой мистерии и одновременно сторонним наблюдателем себя самого в ней – опыт не из приятных. Он всё ещё лежал на асфальте, но уже ощущал себя в прежнем теле… Кай пошевелил руками, согнул колени, потёр ушибленные места – никакой боли. Только слабость.

Каргер протянул ему руку и помог встать. В ладонь острым краем врезалось что-то очень жёсткое, но Каргер не отпускал его руку.

– Я, Водчий всех Путей и Господин же всех дорог, Владыка Волхований и властитель Нави, я Равный среди Равных Престолов, и Высший среди Высших Престолов, Хранитель

Миродрева Весемирья, предназначая такового неофита Корпусу Стражей, велением Универсума открываю Путь:

Наступит время западной звезды,
Предвестницей несчастий наречённой вотще,
И Трое Посвящённых примут новых,
Отверзнув Гнозиса врата во имя Света.
Язычница, чей дух не упокоен, рукою деспота
Навек заточена, лишь может разомкнуть
Цикл злонаследия, что бременем лежит
На череде потомков. И тот, кто в силе
Снять печати и прочесть, проложит путь
И кровь свою отдаст.
Закланник, Вор, Оракул, Берегиня,
Нежданный друг, Нежданный враг и Мистик
Мной званы и приговорены к Пути.
От рук их, в трёх стихиях окрещён,
Последний выйдет, благо буде жив,
Снеся хулу, что встанет над хвалою.
Сомкнутся стрелки, посолонь пройдя
Стеклянным морем, и взойдёт к истоку Свет.
И первая последнего признав, свой Путь
Исполнив, смерть обрящет в дар,
Могилы смыв грехи.
Главе честной вернуться должно ……
…… погребён четвёртою стихией.

Под знамением внука сыщут имя …….
Ему же ……
…….. и пламенник…….
…… пойдёт против отца.
Неволей грянувши на волю и зло ……..
И ночь против ……..
И смена смен пройдёт …….
……..
И вместе с доброю надеждой буде найден
заслон от звёздных градов, что заложен
благословенным был для нас и с этой силой
Оскудеша вражебное железо.
Раскинет …….. Мирodрево,
И лист его во век не …….
…….. одну седьмую
Тверди Весемирья.

И слову плотью бысть.

Кай стоял, и в кровь его одно за одним входили эти диковинные слова. Он по-прежнему понимал незнакомую речь, на которой происходило общение Велеса с Каргером. Однако где-то со второй половины суть слов соединить в какой-то смысл уже не мог. Ритм их менялся, в размере терялась законченность мысли. Между тем, это были не просто слова. С каждой произнесённой строфой они фиолетовой цепоч-

кой загорались в воздухе, спиралью огибая стоящих в центре утихшего смерча Кая, Каргера и Велеса. Когда в ушах прогудело последнее слово старца, вокруг них фиолетовым светом мерцала каждая буква сказанного, словно они были высечены светом на внутренней стороне незримого цилиндра.

– Ну… может и не всё разборчиво, – тёмная бездна в глазах старца гулко хохотнула, – но вполне пригодно.

– Ты открыл лишь часть. И ты не назвал имя, нефилим, – Каргер смотрел на хтоника с кривой улыбкой на губах. – Без имени всё это пустой звук.

– Не хитри, светоходец, он и есть пустой звук, мошка, которую ты накрыл ладонью. Заслужит ли он имя, или таковою мошкой он и останется – зависит от многих вещей, и от него не в последнюю очередь. Одного Света мало. Найдёт силы пройти ясную часть, познает и скрытую. И ты дал клятву, – за спиной Велеса ударил по асфальту клубящийся багрово-чёрным мраком шипастый хвост.

– Этот Путь на несколько веков… Велес, ты не оставишь его одного, одного со всем этим, – Каргер не сводил глаз с хтоника.

И в этот момент Кай мог поклясться, что видел, как его рука в латной перчатке потянулась к бедру, и в складках его чёрного одеяния блеснула серебристая гарда. Всего лишь миг, и видение исчезло. А рука Каргера смахнула пот, заливающий глаза.

– Меня спросить не хотите?!! – внезапно обрёл дар речи

Кай, до этого всё ещё наблюдавший сцену как бы сверху.

Хтоник медленно повернулся к нему. Глаза его удивлённо округлились.

– Тебя?.. Ты в *тупике*, парень. У тебя своих ходов пока нет.

– Но я… *не знаю как*.

– Я подобрал тебе спутников. Коли достоин, то за годик-другой *узнаешь как*. Путь он и есть путь, чтобы тупики все обойти. Да и… Ты не мог не заметить, Каргер, – холоднее добавил хтоник, поворачиваясь к старому священнику, – что Время уже на его стороне. Это немало. Я не сведущ в чтении в душах как в книгах. Я лишь открываю Пути. Но союз скреплён. *И слову плотью быть*, – повторил он и оскалился в улыбке, насколько можно было распознать улыбку на его теперь медвежьей морде. – Да… и ещё вот это… *Ab exterioribus ad interiora*.

Последнее, что увидел Кай, была огромная когтистая медвежья лапа, сбивающая его с ног.

Сломанные Крылья

И пошёл Кай куда глаза глядят. А там… ну вы знаете: «…направо пойдёшь – коня потеряешь. Прямо пойдёшь – жив будешь, но себя не найдёшь…» Шёл он через горы и долы, через воды и бороды, шёл долго и пришёл наконец к огромной пещере, а у входа в ту пещеру уже ждала его фея-крёстная, – примерно так написал бы сказочник. Но ничего такого не произошло, потому что куда бы он ни шёл, никто из добрых персонажей ему не встречался…

Кай летел.

Его захлёстывало чувство упоения, восторг, кипящий в крови, он совершенно не чувствовал веса своего тела. Это не было похоже на гротескные полёты людей в фильмах, барахтающихся на страховочных шнурах, или на картинах, с плоскими фигурами, глупо висящими над облаками. Раскинув руки, он купался в солнечных лучах будто птица, испытывая радость от своего умения ловко кувыркаться и падать вниз головой, а потом, мощно поведя плечами, снова взмывать. Иногда он начинал терять высоту, это было неприятное чувство напряжения, какая-то обманность чувств, иррациональность, которую нужно было исправить.

Он всего лишь хотел спать. Так хотел, чтобы мягко, и чтобы долго. Но сейчас он падал и уговаривал сам себя, что вот

сейчас, вот ещё через мгновение всё получится. Сейчас время для очередной части игры, как в поддавках, – ты на мгновение ощущаешь ужас свободного падения, и уже в следующее – снова ввысь.

Внутри неприятно заныло, он не мог ввысь, больше не получалось. Он стоял на траве, местность вокруг незнакомая… Он поднял голову вверх, над головой был ангел, белый, прозрачный как мираж, он видел его сложенные за спиной крылья. Он никогда не видел крылья так близко, только на рождественских открытках. Ангел был огромный как дом. Может даже как несколько домов, поставленных друг на друга. Ангел что-то держал в руках, но Кай не видел что – тот стоял к нему спиной.

Если бы Кай умел летать, он бы взмыл к нему, обогнул его и заглянул в румянощёкое лицо, он раньше никогда не видел лица ангелов. Кай сердился, потому что никогда не умел летать… Или умел? Он не помнил… Внутри поворачивался страх.

Рельсы под его ногами гудели.

«Кремц-кремц».

Рельсы уходили вперёд, очень далеко. Кай двинулся вдоль них. Под ногами раздался неприятный хруст. Смотреть под ноги было нельзя, он знал, что увидит там. Под ногами хрустело, с каждым шагом было всё неудобнее идти. Но он делал шаг за шагом. Гладкие землистого цвета кости хрустели, глазницы черепов скучно таращились в небо, выверну-

тые челюсти отрешённо улыбались. Он переставлял ноги, и какая-то сила не пускала его, каждый шаг давался с большим напряжением. Он не мог поднять ногу для следующего шага, особенно правая будто совсем налилась свинцом.

Багровый туман уже не позволял видеть. Откуда он взялся? Кай махнул рукой, отгоняя душный воздух. Впереди спиной к нему стоял ангел. Этот был ещё огромнее. Кай никогда не представлял, что ангелы могут быть размером с гору. Голова его уходила высоко в облака. Он начал медленно поворачиваться к Каю. Нет, нельзя, не поворачивайся! Кай не хотел видеть, он не знал, что у того в руках, просто не хотел видеть.

Нет, нет, не хочу. НЕЛЬЗЯ!

Ангел повернулся. В руках ангела была голова.

Ужас сковал его – то была голова Каргера…

Впадины скул обтянуло голубоватой кожей, в глазных впадинах шевелилось что-то омерзительно скользкое. *Это* блеснуло совершенным изгибом тела, затем показалась красивенькая маленькая треугольная головка, появилась бурая спина с зигзагообразным крапчатым узором, змейка выползла из пустого черепа и двинулась по ногам ангела. Обломанная височная кость упала вниз.

Змея спустилась на землю и спокойно улеглась на обломках крыльев. Кай только сейчас их заметил. Всюду были разбросаны белые перья.

Голова Каргера смотрела на него, просто смотрела и ни-

чего не говорила. Она не могла говорить, потому что у неё был зашит рот.

Кай кинулся бежать. Ноги… Ноги снова не послушались. Он упал, отполз, спрятался за большой камень. Впереди трубой развернулся длинный коридор, света в нём было достаточно для того, чтобы представить его глубину. Там шевелились какие-то тени. Если они ищут его, то здесь за камнем его не заметят. В тоннеле в зеленоватом тумане слышался скрежет когтей, приближался звук медленно переставляемых копыт.

Он почувствовал, что тени уже вокруг него.

«Кремц-кремц».

Убежать, надо попробовать убежать. Он вжался в камень, перестал дышать, сердце громыхало в груди. Рука, несколько, шесть или семь рук уже были над его головой, он чувствовал совсем не бесплотные их прикосновения.

Слиться с камнем. Стать камнем, это хорошее решение.

Камень пошевелился.

Кай почувствовал укол ужаса. В самом сердце. У камня была тысяча глаз. Кай начал задыхаться. Он не мог подняться с колен.

Раз.

Два.

Три.

Четыре.

Пять.

Шесть…

Тяжёлый туман стекал каплями по онемевшим щекам, по плечам. Он опустил голову – слева на груди на белоснежной рубашке его сиял лучами какой-то знак из тусклого металла. Нельзя, чтобы эти руки, сотканные из тьмы, нащупали его.

«Кремц-кремц».

Кай посмотрел вниз – его колени были погружены в кровь. Он только сейчас понял, что среди чёрно-белого пейзажа это было единственно цветное пятно. Он сидел на коленях в озере крови.

Кай поднял глаза к каменному истукану.

Огромный каменный рот на лице *без* глаз пророкотал: *«Я скучаю!»*

От этих слов что-то сместилось на циферблате часов Великой Геометрии, и, раскинув руки, он медленно упал спиной в воду. Позади него было не озеро. Это было море. Голубая холодная стеклянная гладь поглотила его без остатка.

На груди, где только что сиял золотистый знак, расплылось красное пятно. Пальцы друга разжались. Кусочек окровавленной стали – кинжал с рукоятью в чёрной вязи – медленно ушёл ко дну.

«Я был неправ, – раздалось позади него, — *мне нужно идти своим путём, а не твоим»,* донеслось угасающим эхом.

В лицо ему смотрел костистый звериный череп, и семь его стылых ледяных глаз исходили холодным голубым светом.

Из последних сил Кай взмахнул сломанными крыльями и

взлетел…

* * *

Он вскочил в постели. Весь мокрый. Сердце колотилось о рёбра. Нестерпимо болело в области лопатки. Утро заливало спальню солнечным светом. Лёгкие порывы ветра колыхали занавески у открытого окна. Фух… Всего-лишь сон… Но что там было? Он летал. Что ещё? В ушах звенело. Он знал, что ему приснился сон, который обязательно нужно вспомнить. Между этим сном и явью существовала некая страшная и прямая взаимосвязь.

Он пошарил рукой под кроватью, нащупал бутылку с водой и жадно опустошил, будто провёл неделю в пустыне. Переведя дух, Кай откинулся на подушку, заслонив глаза рукой от утренних лучей.

Муза Павловна обычно говорила, что если приснилось что-то страшное, то надо лечь и «доснить» себе что-то хорошее, что-то из тех вещей, что ты любишь. Когда он спросил, что значит «доснить», как это вообще возможно – «доснить», Муза Павловна ответила, что, насколько ей известно из школьной программы, сон – это *«небывалая комбинация бывалых впечатлений»,* и если вы, молодой человек, не управляете собственными впечатлениями и воображением, то кто же ими тогда управляет?

Кай тогда ничего не понял, но сам факт перехода Музой Павловной к обращению «молодой человек» обычно свидетельствовал о её невысоком мнении относительно его в тот

момент умственной активности. Он решил не вступать в споры, но непременно потренироваться при случае. Увы, сегодня был совершенно не тот случай. Он чувствовал такое волнение, что сонливость как рукой смело.

И это ощущение не скоро растаяло, засев где-то под лопаткой неясной, упорной угрозой. Он перевёл взгляд на этажерку. Отряд бронзовых солдатиков британской армии безукоризненно держал строй. Он вспомнил как играл с ними в детстве, как гордился каждой фигуркой, ему стало тепло и уютно, это помогло выровнять дыхание, и немного успокоиться. Он потянулся в постели, и мрачно констатировал, что, кажется, ещё вырос, потому что голые лодыжки выглянули далеко за пределами кровати. Муза всегда говорила, летаешь во сне – значит растёшь. У изголовья на тумбочке стояли вовсе незнакомые бутылочки, лежал градусник и тарелка с чем-то, напоминающим компресс…

Он помассировал плечо, насколько сумел дотянуться. Больно… Этот сон никак не хотел убираться из головы. Вообще, в памяти всплывали какие-то смутные воспоминания, будто он когда-то посмотрел кино, помнил, как было страшно, но о чём фильм рассказать бы уже не смог.

Каргер! Почему Каргер?

Чётко он помнил только последние секунды кошмара, но в голове проносились те же образы, только в других сценах… Каргер, опутанный золотистыми и голубыми лучами, рваный асфальт, тысячи хвостов и тысяч глаз, каменный истукан с

белой бородой, вихрь…

Кай хлопнул себя по лбу и, отшвырнув одеяло, помчался из спальни в гостиную. Он выглянул из окна, устремляя взгляд в сторону Межевого переулка. Отыскав глазами привычное сонное *ничего* и удовлетворённо сжав кулаки, он выскочил из гостиной и уже спокойным шагом пересёк кабинет.

В обычное время входить туда он избегал, дед тщательно оберегал эту свою тихую обитель, всякий раз выдворяя маленького Кая с мальчишками играться в другом месте. Был и особый шкаф, открывать створки которого было запрещено строго-настрого. В том шкафу было полно разных времён военной литературы, хранились там дедовы бархатные альбомы и коробки со всяким бесполезным хламом типа старых погон, звёздочек и каких-то наград.

Среди прочих безделушек манила Кая одна единственная – крошечная фигурка слона. У Кая в детстве было достаточно игрушек, но такой чудесной вещицы среди них не было. Золочёный слоник, покрытый белой эмалью и украшенный прозрачными камушками, нёс на спине боевую башенку с петелькой на макушке. Башенка была расписана красными узорами, попона на спине – голубой глазурью, а бивни и хлыст погонщика отливали позолотой. Перед башенкой у головы слона сидел чёрный погонщик. К ней дед вообще не разрешал прикасаться.

Книги – самые старые в тканевых переплётах, в раздутых

кожаных обложках с любовной тщательностью расставленные по полкам или собранные в аккуратные стопки – были главным сокровищем дедовой ризницы. Когда-то совсем маленьким, года в четыре, Кай уничтожил старый выпускной альбом, память об академии. Сам не понимая зачем оторвал одну за другой фотографии дедовых сокурсников и восторженно изрисовал шариковой ручкой страницы альбома. Лощёные коленкоровые страницы всеми силами отталкивали от себя это высокохудожественное и эмоциональное граффити, но всё-таки сдались. Каю тогда попало по первое число, с тех пор заглядывать в тот шкаф, да и в кабинет, Кая не сильно тянуло. Но сейчас он был здесь не ради творческого самовыражения, а по делу.

Кай, спокойно дыша и уже почти улыбаясь, то и дело почёсывая нывшее плечо, выглянул в окно кабинета и уставился на площадку под своими окнами. Внизу у подъезда кипела работа, там было довольно шумно для раннего субботнего утра. В люльке автовышки, на почти разогнутой стреле, орудовала бензопилами пара рабочих. Они ловко срезали толстые ветви каштанов по обе стороны от рабочей платформы, ветви так срослись и сплелись, что образовали практически непроницаемую арку над входом в дом – пышные розоватые соцветия с шумом падали вниз. Здесь же, на подъездном козырьке, сыпал искрами сварщик, очевидно он приваривал обломанный ночным шквалом каркас крыши.

Перед подъездом стояла Кикимориха, толстая досужая

соседка, которая всегда была в курсе всего. Они соседствовали по лестничной площадке, дверь её квартиры находилась напротив их с дедом. Она что-то деловито выстукивала своим указательным пальцем по груди двухметрового прораба, тот вежливо кивал и разводил руками. Ничто не указывало на фантасмагорическую природу ночной стихии.

Фух… Это был просто сон… Кай счёл Кикимориху достаточным и *весомым* аргументом для прощания с беспокойством и умиротворённо пошаркал обратно в спальню. В животе требовательно урчало, страшно хотелось кофе, и Муза Павловна наверняка уже приготовила утренний субботний пирог, а он ещё не умывался.

Кай повернул в ванную комнату, открыл воду, потянулся за душем. Плечо остро резануло болью. Смыв утренний сон чуть тёплой бодрящей водой и напевая под нос *«Пелемень требуют наши сердца…»,* Кай обмахнул спину полотенцем и ступил на холодный кафельный пол.

Да что ж такое с этой спиной?

Обмотав полотенце вокруг бёдер, он провёл ладонью по запотевшему зеркалу и выкрутил шею, в надежде рассмотреть синяк или царапину на лопатке, которая досаждала ему всё утро. Но зеркало отразило не синяк…

Кай открыл рот. На плече бурым свежим ожогом горел отпечаток медвежьей лапы, с пятью мякишами и пятью же бороздками от когтей.

Кай попятился прочь от зеркала, он вбежал в свою спаль-

ню и остолбенел – на подоконнике сидел… сидела серебристая птицы.

«Мистика».

Память послушно вытолкнула имя.

«Ии-чип», – соколица смотрела на него немигающим серьёзным взглядом.

Нет, это невозможно… Он поднёс свои руки к лицу, из глубин памяти всплыло золотисто-голубое сияние, окутывающее его кожу… теперь он вспомнил, мерцающие волокна. Очень чётко. Он видел себя в окружении этого сияния, он видел Каргера, каким-то неведомым образом управляющего этими нитями.

Медвежья голова ещё была… Медвежья лапа!

Он выскочил в коридор, а потом на лестничную площадку.

– О, утро добренькое, Каюшка! – сладколикая Кикимориха с широкой улыбкой и глазами-буравчиками стояла на пороге своей квартиры, засовывая ключ в карман. Она цепко охватила взглядом его фигуру, – фирменный субботний пирог, я не ошибаюсь? Запах на весь подъезд!

– Доброе утро, Виталина Карловна… – Кай топтался голыми ногами по плетёному коврику на пороге.

– А я, вот, гоняла коммунальщиков. После того шквала! Я ведь глаз не сомкнула! Я с молодости очень чутко сплю! Неделю мусор валяется! Такую красоту угробили. Когда ещё двойное цветение застанем. Я все телефоны оборвала, ко-

нечно, всем всё равно, и мэрия спит как ни в чём не бывало, но в соседнем доме искрили провода, и у нас мигало, а на Межевом даже выбило несколько стёкол. И никому нет дела! Всё так бы и осталось, если бы я не дошла до Мэра.

Она всё никак не хотела шагнуть в свою открытую дверь, елозя взглядом по телу Кая. Её объёмистая грудь колыхалась, стиснутая трикотиновым платьем цвета жёлтого «запорожца». По виску стекала капля пота, а щеки блестели от жира. Она очень напоминала ему желток. – Кому же ещё позаботиться о сиротиночке, как не родному деду, как не соседушке…

– Спасибо, Виталина Карловна, – непонятно за что поблагодарил её Кай и босым как есть, удерживая полотенце на последних сантиметрах благочиния, метнулся к квартире наискосок, где жила Муза Павловна.

В спину ему понеслись причитания: «Ой… а это ещё что у него? Подурели совсем с этими татуировками! Ка-а-ай…»

Кай решительно толкнул дверь Музы и почему-то на цыпочках скользнул в её прихожую.

Он остановился и отдышался. Меньше всего ему хотелось объяснять Кикиморихе историю происхождения медвежьей лапы на лопатке. Он мысленно отругал себя за неосторожность. Ну отчего было не одеться? Почему не прикрыть плечо футболкой или полотенцем, на худой конец? Но главное не это – всё-таки ночью был шквал, и бдительная соседка, мимо которой муха незамеченной не пролетит, ничего подо-

зрительного, кроме погодных катаклизмов, не заметила.

Кай немного успокоился. Бывают же и совпадения… Ну птица… ну залетела случайно… Наверняка дед и Муза там, ждут его к завтраку, кофе, кофе, кофе… Да, и ему просто необходим кто-то трезвомыслящий.

Он сделал пару шагов и почему-то шёпотом, будто боясь получить отклик, позвал: «…дед, бабМуз…» и не услышал никакого ответа.

Из кухни доносился ароматный и успокаивающе домашний дух цветаевского пирога. Кухня была пуста. Он почти радовался этому, почти надеялся, что там никого не будет – могли же дед с Музой пойти на рынок.

Нет. Он пока не готов. В голове, если честно, всё ещё полная каша…

Он остановился на несколько секунд, переводя дыхание.

Нет. Всё нормально, нормально.

Он попытался упорядочить мысли, по привычке соединив указательные пальцы на переносице. Это не помогло, потому что следом за этим полотенце упало на пол. Свалив стопку газет, Кай, внутренне истерически хохоча, закрутился в узком коридоре, вылавливая уголки полотенца, опутавшего его ноги. Он вернул полотенце на бёдра и потуже завязал концы, затем также на цыпочках прошёл в гостиную…

Однако следующий шаг принёс ему ещё большее удивление. В комнате находились чужие люди.

* * *

В кресле сидел черноволосый длинноногий мужчина. Возле изящной старинной витрины стояла девушка, склонившись к самому стеклу и рассматривая коллекцию фарфоровых статуэток – любовь и гордость Музы Павловны. Вторая девушка, он не сразу заметил её в дальнем углу комнаты, сидела на пороге балкона, обхватив себя руками за плечи. На краешке дивана, устремив взгляд в окно, сидела очень красивая молодая женщина с подобранными вверх пепельными волосами, одетая в тёмно-синее платье. Он видел её со спины, но такой изгиб шеи, такая талия и линия плеч, и… и… и… всё остальное могли принадлежать только невероятно красивой женщине.

Все, кроме неё, повернули головы в его сторону.

Кай очень удивился. Он не знал, кто эти люди и почему они находятся в квартире Музы. Но они не удивились. Он так же не знал, будет ли уместно задать этим людям вопрос о том, где, собственно, хозяйка. Конечно, для Музы он был всё равно что родной внук, но весь его вид… голые пятки… мокрые волосы и полотенце… Попади он ей на глаза, она бы убийственно отчитала его за такую бестактность по отношению к её гостям. Скорее всего, это деловая встреча, – к Музе часто наведывались коллекционеры, – и кажется он её портит. Таким людям вовсе нет дела до его ночных бредней.

Да, бредней. Вот самое правильное слово.

И тут Кай осознал всю глупость своей детской истерики. Он даже обрадовался, что ни дед, ни Муза не видели его ди-

ких метаний последнего часа. Он представил, что сказала бы ему на это Муза: «Молодой человек…»

В этот момент черноволосый мужчина потянулся за тростью и начал вставать с кресла, а светловолосая молодая женщина повернула к Каю своё королевское лицо:

– Молодой человек, я бы порекомендовала вам вернуться к себе и надеть наконец штаны. Иначе, боюсь, первое впечатление может быть испорчено, – проговорила она голосом Музы.

Внутри Кая всё оборвалось.

Цена

Она смотрела на него, и лицо её было очень печальным. Кай растерялся, честно не понимая, что происходит, и что ему на самом деле делать…

В какой-то момент мозг перестал метаться в поисках разумных объяснений.

Пойти и надеть штаны, вот что, – совет был дельным.

Кай развернулся и вышел в прихожую. Это была спасительная мысль. Он вернулся в их с дедом квартиру, избавился, наконец, от своего дурацкого полотенца, быстро оделся и направился к выходу.

Может, убежать? Глупо, конечно.

Перед дверью Музы он с полминуты постоял, а затем снова вошёл в квартиру.

– Ну вот… это наш Кай, – в дверях гостиной стоял высокий молодой мужчина, опиравшийся на знакомую трость. Вид у него был очень взволнованный. Его слова адресовались двум совсем юным девушкам, которых Кай заметил в первом акте этой причудливой пьесы.

Русоволосая девушка – сейчас Кай узнал в ней ту, с сиреневыми глазами, которую пытался спасти от змеи прошлой ночью – сделала несколько шагов к нему. Пару секунд в молчании они с любопытством разглядывали друг друга, на её губах появилась странная кривая улыбка, а потом она сказа-

ла:

– Это моя вина, в самом скучном и тихом уголке огромного города ты умудрился вляпаться в историю!

– Э-ээ… – её слова смутили его.

– Кай, познакомься, это наша гостья, История, – мужчина сжал его плечо рукой.

– История, знаю, звучит непривычно, – сиреневые глаза улыбались, – меня так назвал папа, не удивляйся. Можешь звать меня просто Тори.

Кай чувствовал, как воздух покидает лёгкие. Ресницы вокруг её глаз казались фиолетовым дымом.

– Ладно… Тори… Ну, в смысле, очень приятно. Меня зовут Кай, – Кай смутился ещё больше.

Девушка развернулась на одной ноге, словно выполняя танцевальное па, взметнув при этом русыми волосами, переходящими в пшеничное золото на концах, и уселась в свободное кресло.

Мужчина неловко переступал с ноги на ногу. Он достал из кармана носовой платок и шумно высморкался: «Трибога в душу…»

Каю снова стало не по себе.

– Наша вторая гостья… в некотором роде… Мы зовём её… – мужчина, казалось, подбирал более точное выражение.

Кай посмотрел на хмурую девушку, сидевшую на пороге балкона.

– Это Карна, – подсказала ему из кресла История, – она не очень разговорчива.

– Привет, Карна, – Кай почувствовал холодок, пробежавший по спине.

Карна ничего не ответила и не поменяла позы.

Да, одного взгляда на её отчуждённый вид хватало, чтобы понять, насколько это закрытый человек. Лицо скрывала косая чёрная чёлка, волосы росли ассиметрично, оголяя шею с одной стороны лица и уходя острыми клином до середины плеча с другой. Вся её фигура, казалось, излучала ощутимый холод. Она не нашла в себе желания изобразить улыбку на лице или хотя бы из вежливости кивнуть. Казалось, что она борется с порывом уйти отсюда. Кай снова почувствовал холодок.

– Кай… не будем тянуть, – вздохнув, красивая женщина поднялась с дивана и, подойдя к нему, взяла его за руки.

Каю захотелось зажмуриться. На стене, за её плечом, висел большой фотопортрет, тон изображения и образ выдавали возраст снимка – где-то 20-е годы, начало века. Он очень хорошо знал этот портрет Музы Павловны, потому что маленьким часто расспрашивал про него. На портрете она была запечатлена в полный рост, ещё совсем молодой, вероятно после выпуска из института. Одета она была в униформу сестры милосердия – тёмное платье с белым передником, с нашитым на нагруднике знаком Красного Креста, с повязкой на левой руке с таким же знаком. Из-под белой головной

косынки, завязанной сзади под волосами, выбивались светлые вьющиеся пряди волос. Рука её покоилась на белой балюстраде, спокойный взгляд красивого лица был направлен прямо на фотографа. И эти идеальные черты лица были сейчас перед ним, разве что живые.

– Ты кое-чего не знаешь. Мы должны тебе как-то объяснить, хотя это не просто, – голос Музы, а в том, что это была Муза, у Кая уже не было сомнений, был полон грусти.

– Каргера больше нет… – мужчина поймал взгляд Кая, хотел добавить ещё что-то, но видно было, что ему достаточно тяжело справиться с чувствами. Он снова извлёк из кармана свой платок и отвернулся.

– Понимаешь… Ты – часть чего-то большего, всегда ею был. Мы не знаем всего, – Муза говорила тихо, но в ушах у него гремело. – Это какая-то другая сторона Мира, скрытая, древняя. Неподвластные нашему пониманию Силы. И, очевидно, в этом твоё предназначение. Но мы не знаем…

– Каргер спас тебя. Это был какой-то договор, – молодое воплощение деда Егора смотрело на него с волнением и болью.

Каю были знакомы эти жгучие глаза под густыми бровями, чёрные беспорядочные вихры с посеребрёнными висками, усы и борода, слегка удлиняющая его лицо. Кай смотрел и думал, как же рано тот поседел. Эта мысль показалась ему настолько неуместной, что окончательно вывела его из состояния ступора, и он, наконец, подал голос:

– Что произошло с Каргером?

Дед и Муза переглянулись.

– Может сядешь уже наконец? – в разговор снова вступила История, в голосе её слышались командные нетерпеливые нотки.

Муза и дед Егор вернулись на свои места, Кай последовал за ними.

Девушка по имени История продолжила:

– Мы же говорим тебе, мы мало чего знаем. Ты сразу будто умер, и тебя затащило в смерч. Мы почти не видели, что было внутри, ты же исчез. Непонятно откуда вырос столб огня и пепла, начал трескаться асфальт, всё начало рушиться, и после этого мы ничего не помним… правда, потом мы кое-что разглядели. Ты был как живой. Мы точно слышали, как Каргер согласился уплатить какую-то цену, и ты даже встал на ноги, и тогда этот страшный рогатый старик выдал какую-то тарабарщину и приложил тебя лапой. Ты снова выключился, и мы подумали, что теперь ты точно умер. Мы перенесли тебя домой, и Муза Павловна неделю за тобой ухаживала, пока ты не вернулся.

– Неделю? – для Кая это была совершенная неожиданность. А потом он вспомнил, что Кикимориха говорила, будто много дней вызванивала коммунальщиков. Вот это да, значит он валялся больным семь дней!..

– А Каргер?

– Каргер… Он просто стоял и смотрел, как мы суетим-

ся вокруг тебя. А потом опустился на колени. Я подумала, что он молится. Не знаю, как точнее объяснить, он несколько минут так стоял на коленях, а потом упал на спину.

– Мы вызвали скорую… но было поздно… – дед Егор опустил глаза и ладонью смахнул что-то с ресниц. – Они подумали, что сердце остановилось. Но он оказался весь в крови. Ран не было совсем. Ничего не понятно.

– Это невозможно… – только и смог сказать Кай.

Дед Егор пожал плечами.

– Похоронили уже. Вся парафия собралась. Народу съехалось со всего света. Мы не знали, что его так уважали…

– А вы?.. – Кай наконец решился высказать вопрос, на который им давно пора было ответить. – Почему вы такие? Почему так… выглядите?

Крохотный уголок сознания ещё таил надежду на то, что он ошибается, что противоестественное явление молодых Музы и деда Егора имеет какое-то простое объяснение, например, перед ним правнучка Музы и троюродный племянник деда, приехавшие погостить к ним в Древнеград.

– Ты вообще что-нибудь помнишь? – снова вмешалась в разговор История. – Помнишь, перед тем как ты отключился, Каргер сказал, что это путь на несколько веков?

Кай напряг память. Если принять, что всё это было не сном, а ужасной необъяснимой явью, то он должен был помнить. Он был недвижим и опутан этим золотисто-голубым полем, и он без конца проваливался куда-то в другие эфиры,

его отсекало от внешних звуков, но слова Каргера всплыли в памяти достаточно чётко, и он проговорил их вслух:

– «Этот путь на несколько веков… Велес, ты не оставишь его одного со всем этим…»

– Во-от! Этот, которого ваш Каргер назвал Велесом, тот медведь с рогами, он сначала сказал что-то типа *«эти слишком много растратили, но это мы подправим»*, и потом ещё *«а тебе, дитя беспутное, здесь вообще-то делать было нечего»*. Потом грохнул своим посохом и что-то сделал с ними, потому что они этот момент не помнят, а я не знаю. И потом все трое стали так выглядеть, – закончила История.

– Не понял, кто трое? Там было только три человека – дед с Музой и ты. Ты не изменилась.

– Кай, видишь ли, людей было трое. Но ты забыл… про…

– Ну… Птица ещё была…

– …и змея. – дед Егор скосил глаза в сторону балкона.

– Ты хочешь сказать… в смысле, вы хотите сказать, что она… что это?

– Карна. Которой и правда там было нечего делать, – сухо закончила История. – Может быть это всё из-за неё. С какого она на меня накинулась? И Каргер ваш погиб из-за неё.

Такого Кай точно не мог себе представить. Карна не выразила каких-либо признаков внимания к их разговору. Она хмуро смотрела в сторону, и этот вид ограждал её от навязчивого внимания не хуже, чем, к примеру, могло бы ограждать стекло террариума.

– Как змея может стать человеком?.. – это был глупый и в общем грубый вопрос, на который ни у кого не было ответа, Кай это понимал. Он точно показал себя полным идиотом и ему захотелось вернуть свои слова назад.

– Все мы носим маски… – услышали они тихий холодный голос из угла комнаты. От этого звука каждому стало не по себе. После чего Карна вернулась к состоянию безмолвного созерцания.

На балконе раздался шорох. В дверной просвет Кай увидел на перилах птицу, Мистику. Да, теперь это не спишешь на случайность или игры фантазии.

Муза встала, разгладив платье.

– Кай, нам всем надо многое обдумать. Многое ещё предстоит обсудить. Но не сегодня. Ты чуть не погиб. И нам очень не хватает… нам всем надо проститься с Каргером… – голос ей изменил, она произнесла его имя еле слышно. Сделав пару вздохов, она продолжила, – но если ты умрёшь с голоду, то получится, что нам с Егором Георгиевичем вернули молодость напрасно. Идёмте, пора завтракать.

Внезапно Кай ощутил дикий голод, просто невыносимый. И он был совершенно обессилен. Казалось, они разговаривали целую вечность, после этих откровений он чувствовал только ещё большее непонимание. Но к этому добавился тяжелейший груз – понимание вины за смерть Каргера.

Каргер-Каргер… Вот кого ему сейчас не хватало. Вот кто мог бы ему рассказать, что произошло на самом де-

ле. Сколько лет он помнил деда, столько же рядом был и Каргер. Старый друг, молчаливый неприметный священник. Что он знал о нём? Сколько бы вопросов он ему сейчас задал?

Кай вздохнул и пошёл на кухню, Муза раскладывала пирог по тарелкам.

– Кай!

Он обернулся на голос молодого мужчины, который с этого момента заменял ему единственного родственника и опекуна, деда Егора.

– Вот, возьми. Это было у тебя в руке, когда мы тебя принесли домой. Я подумал, что это важно.

В руке деда блестел знак Каргера.

Дар Каргера

Кай взял знак Каргера в руки. В груди бешено застучало.

Сейчас при свете дня он мог его спокойно рассмотреть. Знак имел форму овала и выглядел очень старым. Он поскрёб ногтем по тёмному тусклому металлу с высеченными на нём золотыми символами. В верхней части в обрамлении лучей золотилась инкрустация в виде солнца; снизу вверх, через всё тёмное поле, к центру солнца восходили ступени лестницы. Лучи делали края вещицы довольно острыми. По окружности вилась какая-то надпись, но он не сумел её прочесть.

Он держал в руках эту вещь и ощущал дрожь. И в первую очередь подумал о походах крестоносцев или миссии Рыцарей Круглого Стола, – людей, связанных орденскими узами. В ночь гибели Каргера Кай заметил знак у него на груди. А потом, в самом конце, когда тот помог ему встать на ноги, Каргер вложил ему что-то острое в руку, значит то был этот рыцарский орден. Кай совершенно забыл о нём и мог потерять. И вот теперь дед Егор снова вручил ему волнующий дар Каргера.

Кай спрятал его в карман джинсов и отправился поедать свою порцию цветаевского пирога.

За завтраком, да и вообще в субботу, к событиям той ночи больше никто не возвращался. Каждый чувствовал опре-

делённую неловкость и не пытался завязать разговор.

Из того что Кай понял, обе гостьи, История и Карна в первую же ночь остались у Музы Павловны – она отвела девушкам по комнате, и те без возражений приняли приглашение. Казалось, что никто из них не понимал отведённой им роли, которая всё же Велесом задумана была, но и без этого у каждой было чувство, что именно сейчас им не стоит расставаться.

Кай жевал пирог и рассматривал женщин, собравшихся за столом.

Тори и Карна казались его ровесницами, может на год-два моложе. Муза, несмотря на своё строгое чёрное платье, выглядела просто потрясающе, он подумал, что было бы неловко обратиться к ней с прежним «БабМуз». Энергия двадцатилетней била в ней через край, но она казалась оживающей куклой, которой ещё только предстояло научиться быть человеком. Она никак не могла привыкнуть к необыкновенной послушности и живости своего нового тела, руки всё ещё по-стариковски искали опоры. Ноги, теперь обе совершенно здоровые, выбирали место для следующего шага, но телу уже это не требовалось. Беспрестанно хватая очки и через минуту снимая их или протягивая руку к вазочке с лекарствами, Муза всякий раз озиралась на окружающих. Разница в прожитых годах давала о себе знать не столько на психологическом уровне – ей надо было свыкнуться с таким чужим своим телом. Разрыв был очень большой.

Он перевёл взгляд на Тори – девушка, судя по всему, не испытывала дискомфорта, ни физического, ни психологического, находя пирог вкусным, компанию терпимой и приключение сверхзабавным. Она показалась ему открытым и жизнерадостным человеком. Благодаря её неумолчной болтовне, к всеобщему облегчению, никому из, по сути, незнакомых людей не приходилось из вежливости подстёгивать затухающий разговор.

Кай так же не упустил, что её прямолинейность иной раз коробила окружающих. Тори была резка, прямолинейна и даже временами заносчива. Особенно это смущало Музу Павловну, привыкшую к определённым границам в отношениях. У Истории же проблем с демаркацией не наблюдалось. И… странно… но это по какой-то причине очаровывало Кая ещё больше.

Глядя на Карну, вообще невозможно было что-либо определить. За день она так и не прибавила в разговорчивости, тяготела к уединению и тёмным местам, почти ничего не ела. И если в Музе Павловне, которая по прихоти хтонического божества рассталась с шестью десятками прожитых лет, конфликтовал опыт духа и текущий биологический возраст, то… что можно было сказать о Карне? О каком опыте духа можно было говорить, чтобы понять её возраст? Не о змеином же?

Кай рассматривал их всех и не понимал, радоваться ему или печалиться. Неизвестность пугала, и это не добавляло

ему желания приближать час неприятных открытий. При этом оставался один вопрос, который подстёгивал его к разговору.

Выхода не было…

* * *

Кай глотнул обжигающего кофе и отставил чашечку в сторону.

– А вы уже придумали, как объяснить соседям и друзьям исчезновение двух пенсионеров, Егора Георгиевича Острожского и Музы Павловны Ладожской? И появления на их месте до странности похожих на них людей с такими же именами? – от курьёзности вопроса мрачные мысли напрочь улетучились.

– Ну, Кай, мы ж неделю не показывались никому… и ничего, – дед, потягивая чай, откинулся на диванчике, вытянув ноги через всю кухню. – Как-то разрулится.

– Нет-нет, Егор Георгиевич, что вы! – по лицу Музы Павловны было видно, что план деда совсем не тянет на план, – одной Виталины Карловны хватит, чтобы в два счёта вывести нас на чистую воду.

Все затихли. Фактор Виталины Карловны нельзя было не учитывать. Казалось, только Карна сохраняла полное равнодушие к проблеме.

– Соседка? – переспросила История, и где-то после минутной паузы, решительно заявила, – с ней мы справимся, легенду я устрою.

Муза Павловна с любопытством взглянула на Тори, ожидая продолжения, но выспрашивать детали не стала, а Тори уже погрузилась в свои мысли. Кай с дедом и Музой переглянулись совсем как в старые времена – как родные, и их молчаливые взгляды единодушно выразили согласие подождать.

– Ну раз так, то и прекрасно, История! – подбодрила её Муза Павловна. – Я тут ещё подумала… Может, нам пока перебраться в Белозоревку? Вы как? Там старожилов и не осталось совсем, дома под дачи распродали, а отдыхающие мало кого знают. Там мы точно избежим вопросов, и заодно подышим деревенским воздухом.

– О! У меня давно припасена «Энциклопедия огородника». Вот и применю знания. Давно пора там у вас порядок навести.

Муза улыбнулась.

Кай вспомнил их прошлогоднюю поездку в деревню. Места там были заповедные, усадьба, которая принадлежала ещё деду Музы Павловны, стояла на берегу речки Зорянки. С участка через галерею высоких сосен и берёз можно было выйти прямо к деревянной пристаньке, у которой в зарослях камыша на солнышке грели бока с десяток лодок. Дед с Каргером тогда весь день ловили рыбу, а Кай с книжкой в руках болтался в гамаке, натянутом меж двух старых берёз. Каргер не раз упоминал забавную историю местной достопримечательности – графского замка с призраками. Он хорошо знал эти края, иногда они заглядывали и в его дачный домик в

посёлке чуть дальше по трассе. Каргер был до невозможности серьёзен, дед тогда лишь качал головой, Кай фыркал от смеха.

В общем, идея Музы Павловны была хороша, каждый день проволочки грозил им риском разоблачения и неприятными расспросами, потому решено было выезжать как можно быстрее.

Бог даст, то и завтра.

Заминка состояла в двух вещах: первой – Кай непременно хотел перед отъездом заглянуть в конноспортивную школу, с чем никто не спорил, и второй – вопрос гардероба для Музы и деда Егора. Тори сразу заметила, что люди их возраста так не одеваются и, что хуже, категорически не носят подобной обуви. Так что если стоит задача интегрироваться в среду того поколения, в котором им предстоит прожить современную версию их жизней, то им просто необходимо срочно переодеться.

Дед хлопнул себя по коленкам и радостно провозгласил: «Йюхху! Шопинг!»

Муза от удивления вскинула брови.

Когда Муза в свою очередь под давлением «юности» сочла доводы Истории разумными, та предложила отправиться за покупками немедля. Кай попросил освободить его от этой миссии, а дед Егор, второй раз за полчаса приведя Музу Павловну в полный ступор, заявил: «Эх, давненько я барышень не катал!», весьма охотно отправился в гараж за машиной.

* * *

Выпроводив компанию, Кай вернулся домой – ему не терпелось получше разглядеть орденский знак, он уже даже знал, с чего начнёт, с дедовой *«Энциклопедии по Геральдике»*.

Он вынул орденский знак из кармана. Сердце снова учащённо забилось. На сколько он мог судить – вещь была старой. Очень старой и, похоже, очень дорогой. Он присмотрелся к символам на ней повнимательнее: на вершине лестницы на фоне солнца были высечены три чёрточки, складывающиеся в треугольник. Над ними угадывался крест. Диск солнца по контуру, как и многочисленные его лучи, были усеяны драгоценными камушками.

Кай перевернул знак тыльной стороной. В нижней части был выгравирован символ, очень напоминающий королевскую лилию, а может это был трезубец. Знак был слегка вогнутый и, к удивлению Кая, не имел никакого крепежа. Чудно, ни петельки, ни закрутки, ни булавки, ни прищепки… Как же он держался на груди Каргера? Загадка.

Кай так увлёкся, что не заметил, что рассматривает орден уже в дедовой библиотеке. Где-то здесь у деда должна лежать лупа. Каю очень хотелось прочитать витую надпись, скорее всего это был девиз представителей ордена. Эх… вечно не найдёшь, когда быстро нужна…

Кай перелистал соответствующий раздел энциклопедии, такого в точности знака он не нашёл. Чаще всего встречались

типовые элементы в виде солнца или звезды, крестов разной формы, корон и геральдических животных. Но такой лестницы он не встретил ни на одном эскизе или фотографии.

В голове крутилось не меньше сотни вопросов к Каргеру – тому самому Каргеру, скромному старику, который бывал у них дома по несколько раз в неделю, болтал с дедом, подшучивал над Каем, возил его в конноспортивную школу и не более. А теперь… По какой-то причине выкупил его жизнь ценой своей собственной.

«Кем же ты был, Каргер? Рыцарем какого ордена? Кем я был для тебя?..»

Кай поразился неожиданной мысли о том, что с годами тайн и вопросов вокруг него самого только прибавляется.

Был ещё один бесспорный факт, и Кай не спешил проговаривать его даже про себя, потому что это требовало осмысления, а к этому он готов не был.

Всё указывало на то, что Каргер был магом. Достаточно сильным магом, чтобы противостоять хтоническому чудовищу, говорить с ним на одном языке и заключить с ним какой-то договор. Если бы кто-то попытался выдать подобное за правду неделей раньше, Кай без размышления отнёс бы рассказчика к недостойной братии сказителей девяносто девятого уровня наглости.

И вот сейчас понятный мир вокруг Кая пошатнулся. Железобетонные истины стали не таким уж и железобетонными. Как оказалось, магия и чародеи существуют не только на

страницах фэнтези. Больше того – существуют боги… ведь кем же им быть, если они способны превратить змею в человека или вернуть старику молодость, при том, что наукой доказана необратимость хода времени и процессов старения? А если существуют боги, то это означает, что процветающие в мире религиозные культы разного толка не являются только лишь «опиумом для народа», как говорили марксисты и Остап Ибрагимович Бендер. Во всяком случае, неоспоримость этой аксиомы в глазах Кая оказалась под значительным сомнением.

Кай вспомнил один из многих споров деда с Каргером.

Родственник обычно стоял на чётких позициях материалистической науки, которая способна всё в мире перевести на язык формул. Если что-то не укладывалось в известную учёным и инженерам формулу, значит такую формулу всего лишь предстоит открыть, а не подмешивать в оправдание всякие там божественные, духовные и личные начала.

Каргер как обычно терпеливо выслушивал доводы деда Егора, потягивал горький кофе и отвечал, что сегодня наука, в которую дед так верует, – это не постижение истины, а подгонка известного под желаемое. И советовал деду выкинуть всю эту «образованщину» из головы. Такое чудное слово – «образованщина»… Кай запомнил.

По словам Каргера, наука сегодня лишь описывает явление, выводит некую поверхностную закономерность и благословляет инженеров на использование её в условном агрега-

те, будь то штопор или водородная бомба. Да, и ещё учёные научились давать «говорящие» названия этим явлениям. Со времён древних греков в словосложении полный порядок.

ВСЁ.

На этом «*всё*» Каргер тогда сделал ударение, и Кай почувствовал себя в обиде за всё человечество. Будто ноша за это поверхностное понимание законов мироустройства давила и на него лично. Словно он сам где-то не доработал.

Дальше Каргер добавил, что цель познания – не в создании каталогов названий и формул, а в понимании системы, увязывающей в себе хитросплетения видимой нашим глазом вселенской механики. Она уже есть, работает без участия «познавателей», просто какие-то её законы пока недоступны нашему осмыслению. *Факт* научный не тождественен *истине*, потому в основе многих выводов лежит ошибка идентификации.

Кай тогда запомнил и это выражение Каргера. *Ошибка идентификации*. Идентификации чего? Факта? Истины? Вот не спросил же… и дед пропустил мимо ушей, горячо споря и тыча пальцем в замятую статью из журнала «Наука и жизнь»: «Да вот же написано! Что ты на это ответишь?!!»

«Всё не то, чем кажется», пожимал Каргер плечами, скользя по странице совершенно отчуждённым взглядом. Каргер будто бы и не стремился оспорить заявления деда, но в словах его, даже непонятных, ощущалось больше силы.

Сейчас Кай лучше понимал, почему спорщики не слыша-

ли друг друга. Спор раз за разом выводился на новый круг дедовым: «Тогда что такое это твоё религиозное учение? Оно для меня тоже далеко от истины».

Дед в Бога не верил, и отрицание высших сущностей признавал за одну из аксиом. Ведь учёные до сих пор не смогли дотянуться до ангелов руками, не сумели загнать в рамки формул и чудеса христианства. Каргер посмеивался, а дед кричал: «Кабы пощупать кого… ну, там… эфирную крылатую деву! Тогда, трибога в душу, соглашусь с тобой и больше рта не открою».

«Гляди-ка ж ты, Кощунник, замахнулся! Деву ему подавай… Ангел за спиной не устраивает?..»

Дед дурашливо оглядывался и шарил в пустоте за спиной руками. Каргер качал головой.

«Пойми главное – сила религии в её незыблемости. Она защищает свои доктрины, не копается в них и не подвергает сомнению принятое как факт. Наука, наоборот, развивает сама себя, и парадокс в том, что сама же опровергает свои недавние истины».

Вообще Каргер не казался конфликтным или упрямым человеком, даже сколько-нибудь сильным человеком он не казался. Кай почувствовал, как по спине его снова пробежал холодок.

Как всё обманчиво…

Если поразмыслить, то дедова вера в закон и формулу, которые ещё не открыты учёными, полностью применима и

к догматам религии.

Кай попытался перечислить факты, наполняющие новую истину.

Каргер был не только священником. Каргер никогда не говорил и никогда не давал каких-либо намёков на свою вторую ипостась. Наравне с догматами религии, он владел и таинствами магии, знаниями о сущностях иной стороны мира. Которые весьма материальны, как оказалось, и могут быть пощупаны и исследованы, если им придёт в голову явить себя науке как факт. Опять-таки, Каргер был католическим священником, но даже Кай, человек к религиям безразличный, знал, что церковь официальная отрицает и порицает магию… как же это могло в нём уживаться? Значит ли это, что Каргер практически ставил знак равенства между религией, наукой и магией?

Кай почувствовал, что от переполняющих мыслей у него начинает болеть голова. Ему срочно нужно было вдохнуть воздуха.

Он схватился за голову обеими руками и выскочил на внутренний балкон. Свежесть окатила его, прибавив ясности мыслям. Орден в руке сверкнул, поймав луч солнца сквозь листву деревьев.

Красиво как…

Он скользнул взглядом по пешеходной дорожке, как раз в сторону стен посольства. Там не было *ничего*, что могло бы подтвердить недавнее происшествие. Ни одного факта. И

это противоречило *истине*. Эта истина так же превращала в ничто попытки науки отрицать и порицать религию и магию вместе взятые.

Что же тогда получается – человечество действительно ещё не допущено к этому знанию? Или уже напрочь забыло о нём, а Каргер и такие как он, возможно, люди, которые носят такой же орден – помнили и хранили?

Тот нескончаемый спор между дедом Егором и Каргером казался Каю скучным и заумным, но может быть стоило принять за аксиому главное из сказанного Каргером, «Всё не то, чем кажется»? И поискать подтверждение этому.

Вдруг это поможет понять, что пытался донести до него Каргер и ради чего спас?

* * *

Кай снова уставился на переливающиеся камушки в линиях лучей и солнечного диска. Он слегка поменял наклон ладони, и над каждым камушком заиграла маленькая радуга. Жаль, что он не антиквар, в вопросах идентификации подобных вещей необходим намётанный глаз… энциклопедия тут не поможет.

В следующий момент Кай хлопнул себя по лбу – куда проще, не терять время, а сходить в «Антикварный» на Межевом! Вот же тупица… Здесь же рукой подать!

Он быстро обул кеды и выскочил из квартиры. По-кошачьи преодолев лестничные пролёты с третьего этажа на первый, он оказался на улице. Коммунальщики закончили свои

работы, спиленные ветки были убраны, на асфальте валялись раздавленные розовые соцветия.

Кай сделал несколько шагов и сорвался на бег. У витрины антикварного магазина он замедлил ход. Дёрнул латунную фигурную ручку двери, внутри тренькнул колокольчик. Кай едва сдерживал возбуждение. Дверь не поддалась. Суббота… Как он не подумал?.. Пару мгновений он ещё разглядывал витрину, даже приложил ладони к стеклу и попытался что-нибудь рассмотреть в глубине, потом, совершенно разочарованный, отступил и повернулся уходить. В задумчивости он достал орден из кармана и побрёл в сторону дома. Кому же тебя показать?..

– Я ждал тебя, – раздался скрипучий голос.

Время

От неожиданности Кай налетел на какое-то препятствие, слишком поздно заметив старичка, размером с брюкву и такого же цвета, на ногах – крохотные детские кеды. Его необычные золотистые волосы поблёскивали сединой.

Кай согнулся, уперев руки в колени, и уставился на человека. Тот ответно сверлил его неприязненным взглядом. Правда его взор был направлен в сторону, мимо Кая.

– Я ждал тебя, – повторил старичок в кедах.

– Меня?.. Извините, я не хотел…

Старик придвинул к нему своё коричневое морщинистое лицо и схватил его за руку. Хватка была уверенной и крепкой. Что-то в его взгляде было не так. Где-то внутри кольнуло неприятное ощущение. Кай не сразу понял, что на него смотрят незрячие глаза.

– Я ждал тебя. Идём, – и старик за руку повлёк его к соседней настежь открытой двери.

Кай не успел возразить, но сопротивляться не стал и вслед за стариком шагнул через порог. Они прошли через небольшую затхлую прихожую и оказались в пятистенном вестибюле, из которого выходило пять дверей, включая ту, через которую они вошли. Одну из пяти стен, самую широкую, украшало старинное панно, рельефная роспись по штукатурке с пола до потолка. Изображение было очень натуралистичное,

хотя некогда очень яркие краски сейчас слегка поблёкли. Сюжет панно составляло изображение огромных башенных часов, астрономической средневековой астролябии с зодиаком и символами планет, которую Кай часто встречал на туристических плакатах, но с ходу не смог вспомнить, что это и откуда.

Старик уверенно выбрал ближайшую от них дверь справа и приложил к ней ладонь, дверь распахнулась. Они оказались в тёмном и узком коридоре, дверь за ними закрылась, и старик пошёл вперёд. Кай последовал за ним, на языке вертелся вопрос, куда его ведут, зачем ждали, но внутренний голос подсказывал, что эта встреча как-то связана с тем его ночным происшествием. Он просто шёл, ничего не спрашивая, доверившись неприятному незнакомцу, и в какой-то момент он вдруг понял, что они идут довольно долго, может быть десять минут, а может уже и час.

Коридор был прямой и уходил в гору, на пути им не встретилось ни одного окна, ни одной лампочки, они шли в полумраке и никуда не сворачивали. Наконец впереди появились какие-то признаки выхода, за полтора шага до двери крохотный слепой старик развернулся к Каю и безошибочным движением схватил его за руку. На этот раз он приложил к двери ладонь Кая, почти сразу послышался щелчок и долгий скрежет металла, будто за дверью проворачивались тяжёлые шестерни, делая множество оборотов и с каким-то индустриальным грохотом запуская смежные механизмы. Дверь, как

и в прошлый раз, распахнулась сама.

Однако за дверью никаких механизмов не оказалось. Они оказались в залитом светом помещении. Света было столько, что окружающий их интерьер не имел цвета, в этом молочном слепящем потоке всё теряло собственные краски, стены были расчерчены полупризрачными абрисами прямоугольных и круглых предметов, и лишь окружающие звуки, довольно громкие, подсказали Каю, на что он смотрит – стены зала были увешаны часами. Больше всего это походило на часовую мастерскую, ту самую, старейшую в их городе, просто он никогда в неё не заходил.

Над головой, там, где Кай ожидал увидеть потолок, оказался прозрачный купол, и источник слепящего света сразу стал понятен – сквозь стеклянный свод ярко сияло солнце, практически заслоняя собой ярко-синее небо. Чем дольше он на него смотрел, тем очевиднее становилось, что над ними не гладкое стекло, а, скорее, хрусталь с множеством граней, проникая сквозь которые дневной свет так многократно преумножался. Плюс Кай заметил, что хрустальный купол не был недвижим – он вращался против часовой стрелки в горизонтальной плоскости. Часовые стрелки тоже имели место, они крепились к центру купола, только все они были разной длины и двигались с разной скоростью и в разном направлении. Кай успел насчитать минимум девятнадцать стрелок, потом сбился.

В какой-то момент Каю показалось, что вращается не по-

толок со стрелками, а пол, на котором он стоял. И вообще, чем дальше проникал его взгляд, тем больше всё вокруг напоминало ему планетарную модель, с большими и малыми кольцами меридианов, пересекающихся с кругами тропиков, горизонтом и экватором, он чувствовал себя заключённым внутри армиллярной сферы, которую им показывали на астрономии.

– Извините… Вы что-то хотели мне сказать? – Кай почувствовал нарастающее раздражение. Старик только что был рядом, всё время шёл впереди него, а сейчас словно растворился в молочном белом сиянии. – Кто вы?..

Ответа не последовало. Кай попытался осмотреться, он точно помнил, что они вошли в дверь, которая оставалась за его спиной. Но сейчас там была лишь сплошная стена, увешанная такими же разными часами. Но двери не было. Очевидно, сфера, внутри которой они оказались, уже повернулась на несколько градусов.

Кай потёр глаза ладонью, зрение никак не хотело привыкать к такой резкой смене освещения. Открыв глаза, Кай чуть не вскрикнул – прямо перед ним, в дюйме от его носа, маячило лицо старика, так близко, что он ощущал старческий запах, лекарств? овсяной каши? табака?.. Незрячие глаза старика очень неприятно таращились в разные стороны,

Кай понял, что это вообще не глаза, а стеклянные протезы, едва ли они могли хоть что-то видеть. Глазницы и лоб

пересекало несколько страшных багровых шрамов, он мог разглядеть неровно сросшиеся складки век, рваные рубцы на коже, исказившие форму глаз. Внутри Кая шевельнулась боль, точно ему самому пришлось пережить это нечеловеческое страдание, будто его глаза доставали ножом.

Старик привстал на цыпочки и прикоснулся своими пальцами к лицу Кая и легонько ощупал его. Кай никогда ничего подобного не испытывал. Весь отмеренный ему природой запас терпения и вежливости пришлось призвать на помощь, чтобы не оттолкнуть неприятного субъекта. В нём боролось недоумение с негодованием, его учили уважать старость и проявлять терпимость, но он не бессловесная марионетка, не собачка на поводке. Может старик и вовсе сумасшедший? И он…

– Так и собираешься провести всю жизнь в чашке Петри? – проскрежетал старческий голос.

– Какой чашке?..

– В лабораторной чашке, чашке Петри, юноша, с активностью уровня инфузории-туфельки. Плыть тупым концом вперёд.

– Почему сразу тупым?.. – буркнул он сердито, покраснев от возмущения. – Вообще, я ухожу. Где выход?

– Выхода нет. Время может практически всё, но он связан законами.

– Зачем вы меня сюда привели? – слова Кая прозвучали резко.

– Время может практически всё, если соблюдать договор, – продолжал старик, будто не слыша его вопроса. Он снова исчез, при этом голос его то удалялся, то приближался в слепящем столбе света. – А согласно договору, Время встал на твою сторону.

Кай напрягся. Что-то такое говорил и Велес той ночью. Про время, которое ему не подчиняется. Может всё это както взаимосвязано, чокнутый старик не зря привёл его сюда?..

– Что такое время? Почему вы говорите о нём как о чёмто живом?

– Нет ничего живее Времени. Даже Свет и тот есть Смерть. Это одна из его граней. Иногда…

Старик наконец вынырнул из обесцвеченного мира часов. На его переносице сидели очки, даже не очки, а окуляры, самые нелепые и огромные, которые Кай мог представить, они держались на широком кожаном ремешке, который обхватывал седую голову старика. Их линзы до абсурда увеличивали стеклянные глаза старика, но было очевидно, что через их стёкла тот мог видеть. Вопрос – как?!

– Глаз видит благодаря человеку, юноша, а не человек благодаря глазу, – старик, казалось, прочитал его мысли. Кай смутился и отвёл взгляд от чудовищных шрамов. Старик продолжал бормотать. – Это не я сказал, Парацельс сказал.

Часы – количество их оценить было невозможно – на все лады издавали довольно нервирующее тиканье. Откуда-то издалека продолжал доноситься тяжёлый металличе-

ский гул, таинственный механизм не прекращал свой ход. Эта досаждающая какофония, очевидно, нисколько не мешала старику нести свою беспредельно загадочную чепуху, но уже порядком нервировала Кая.

– Ты уже понял, что у тебя в руке? – огромные глаза старика, казалось, сошлись у переносицы. Он протянул к нему открытую ладонь.

Кай стиснул в ладони знак Каргера.

– Стоило отдать тебя хтонику, – сердито забормотал старик, – но Время остановил стрелки, а значит, ты чего-то стоишь. Путь начертан, с него нельзя сойти.

– Так… э-ээ..?

– Посмотри сюда, слепец, – старик ткнул покорёженным пальцем на циферблат больших часов, видневшихся в белом мерцании. – Время замкнул по кругу прошлое, настоящее и будущее. Из этого кольца есть только один выход – смерть, тогда твои стрелки замрут и Время потеряет к тебе интерес.

– Я не собираюсь умирать, – Кай начал злиться. – И причём тут вообще орден?

– Считай этот знак твоим страховым полисом. Вместе с велесовой печатью на плече, – с губ старика слетел скрипучий смешок.

– Можете объяснить, что всё это значит – ключи, пути, печать? Кто этот хтоник? Каргер мне ничего не успел сказать… – Кай ухватился за ниточку разговора, не давая старику снова переключиться на изречение своих загадок.

– Надо было слушать, юноша. Он был при тебе всю твою жизнь. Довольно бессмысленную, должен сказать… – старик ткнул ему в грудь крючковатым пальцем. – Он, наверняка, сказал тебе немало. Думай. Никто другой не сможет тебя просветить. Уста Времени запечатаны. Если такой светоходец, как Каргер, вступил ради тебя на Путь, значит считал, что ты готов.

Кай в отчаянии смотрел на старика. Голова его шла кругом, а может всё дело было в том, что пространство вокруг смещалось в каком-то непредсказуемом свободном вращении. Хрустальный купол с его разнокалиберными стрелками уже находился почти у них под ногами, и сквозь его прозрачные своды в помещение всё так же ярко вливался белый слепящий свет, вперемешку с лоскутами ярко-синего неба.

Кай посмотрел на стрелки внимательнее. Некоторые были длинные, глянцевые, на некоторых поблёскивала позолота, были и совсем короткие, они практически не двигались и очень напомнили ему часы со сдохшей батарейкой на их с дедом кухне. Стрелки были ещё не совсем мёртвые, они судорожно подрагивали на месте, но двигаться уже не могли. Были и вполне рабочие стрелки, они меряли время в привычном темпе и выглядели вполне заурядно, стрелки как стрелки.

– Кто вы?

– Я смотритель стрелок. Можешь звать меня мастер Йозеф.

– Откуда вы меня знаете? Почему сказали, что ждали меня?

– У меня для тебя послание…

– От кого?..

Старик снова взял его за руку и потянул в сторону. Кай шагнул следом. Учитывая, что пространство вокруг них жило какой-то своей химерной жизнью, упираться было бессмысленно. Старик поправил свои гротескные окуляры и нащупал в парящем солнечном свете у них под ногами одну из стрелок купола. Он дёрнул головой, приглашая Кая на неё встать. В руку вложил фонарик: «Подсветишь, если что»…

Это было вещее чувство узнавания. Он коснулся ногой стрелки и почувствовал её тихое гудение и вибрацию, но в следующий момент она уже вовсе не была стрелкой, а скорее рельсом, уходящим очень далеко в белый ослепительный свет.

– Только далеко не заходи, из эмбриона я тебя не вытащу… – старик снова растворился.

Исчезли и умолкли часы на стенах вокруг них. Кай встал на стрелку и его повлекло вперёд, перед глазами начали проноситься какие-то сцены, рассыпаясь длинным веерным шлейфом, словно мимо него пролетал белый облачный поезд с мелькающими в каждом его окне краткими фрагментами чьей-то цветной жизни. Кай не сразу понял, что это как раз его собственная ретроспектива…

Это оказалось весьма забавным занятием, заглянуть на-

зад, в прожитые им годы, жаль только, рассмотреть удавалось совсем редкие сцены. Он находился в гостях у собственной памяти. Или в плену? Ему было любопытно, будто ребёнку, переворачивающему камень. Линии, краски и фигуры проносились мимо него. Одни лишь слабыми, расплывчатыми тенями. Другие более чёткие, но их отражения были похожи на стереоскопический фильм, с блеклыми, затуманенными кадрами. Он понимал… ведь это произошло уже давно…

Кай пошёл вперёд, навстречу потоку из хроники его жизни. Навстречу ему наплывали образы – друзья и знакомые, его никто не замечал, он был для них такой же тенью, как и они для него. Он узнавал их стёртые изменённые лица. Называл по именам, и иногда, прежде чем сцена рассеивалась и сменялась лавиной других, ему удавалось хорошо рассмотреть и узнать событие, даже вспомнить, когда оно происходило.

Он останавливался то тут, то там, пытаясь понять, в чём же состояло послание Каргера. Школьные дни проносились в образцовом порядке. Вот он в Лицее, Горыныч, его преподаватель физики, вручает ему приз за победу в республиканской олимпиаде по информатике – тяжеленный куб с сидящим на нём «Мыслителем» Родена. А Кай красиво передаёт эту увесистую штуку обратно физику, вроде как в знак признания заслуг старика. Но если по-честному, ему было лень тащить такую махину домой.

Это было совсем недавно…

Вот они с Данилычем взяли титул на Кубке по конной выездке два года назад… на Метелице. Вдобавок, ему вручили ещё и приз в номинации «Восходящая звезда». События мелькали, какие быстрее, какие словно затормаживали свой полёт, давая себя рассмотреть. Учебные будни, встречи, дни рождения… Это они с дедом в театре… дедова любимая опера с седобородым страдальцем и двенадцатью девами… бессмысленно вспоминать, когда.

Кай шёл по своему детству. Он шёл наугад. Яркие вспышки воспоминаний жгли и терзали его. Книжка-раскраска, игрушечный разноцветный паровоз, золотистый кот на скамейке, рассыпанная по полу мозаика. Здесь какая-то добрая тётка на новогоднем утреннике подарила ему альбом для фотографий за лучший маскарадный костюм, он был пингвином. Кстати… где этот альбом? Забыл совсем, это первый класс, не иначе…

Кай сделал ещё пару шагов. Туман вокруг стал уплотняться, сереть. Его окружали неясные смазанные блики, какой-то сумбур, глухие полутона прорезали мельтешащие вокруг него неизвестные фигуры. Он ничего не мог разглядеть. В отдалении неожиданно рявкнуло: «Шалава буржуйская! Родину продавать?!!» Кай остановился и оглянулся.

Стрелки под ногами не было, он будто завис в чужой истории. Видимо не туда забрёл… На самом деле, всё это было до невозможности нереальным. На грани сна и яви. Поза-

ди было также ослепительно пусто, как и впереди… Но если впереди было его прошлое… возможно, на другом конце стрелки его будущее? Что если послание ожидает его именно там?

Надо нащупать стрелку. Кай осторожно двинулся в обратную сторону и быстро вышел на свою стрелку. Вернулось приятное ощущение пружинящей под ногами линии.

Отсчёт событий пошёл в обратном направлении. Вот они с дедом переезжают в их дом, к «нашей Софии», таким мрачным он не помнил деда Егора за всю жизнь. Хм-м… А это они в какой-то скучной конторе… Нотариальной что ли? Кай совершенно этого не помнил. Дед держит его за руку. Кай видит картину снизу-вверх, похоже, он совсем маленький. Дед расписывается в каких-то бумагах. Ему вручают что-то похожее на конверт и шкатулку, обитую фиолетовым бархатом. Размером с толстую книгу. Интересно, надо бы расспросить деда…

Вот они в дачном домике у Каргера, в Белозоревке. На чердаке. Каю лет десять, и этот момент он помнил. Самого старика Кай опознал совершенно точно. Каргер достаёт из оружейного сейфа любимое ружьё и показывает деду, тот в восторге цокает языком, вскидывая его к плечу. В шкафу виднеется несколько ружей, старинных, резных, на полке аккуратными рядами разложены коробки с патронами.

СТОП!

Кай замер перед этим воспоминанием, боясь спугнуть

неустойчивое изображение. Каргер пристально смотрел на стоящего в белом тумане Кая, или… ему это только показалось? Рука поднялась и указала на сейф. Нет, он не ошибся. Глаза держали его в фокусе неотрывно. В глубине сейфа светится какая-то яркая эмблема… Кай даже подсветил себе фонариком. Это же знак Каргера, золотая лестница на фоне солнца! Вот это да! Сцена рассеялась.

Сердце радостно кувыркнулось, Кай припустил вперёд, неизвестно, как много времени ему отведено часовщиком, чтобы получить послание. Старик сказал, что Каргер был возле него всю жизнь, значит должно было остаться что-то. Он решил сосредоточить свои мысли только на Каргере, возможно, это поможет отфильтровать ненужные ему сейчас сцены…

Так, получается… Вот они с Каргером у того в приходе, Каю лет тринадцать, это… в храме на Аскольдовой горе. Кай вспомнил, как у него сдуру вырвалось, что выдавать такую затрапезную постройку за храм большое нахальство. Здание церкви и правда было совсем маленьким, больше похожим на светскую парковую ротонду. Каргер тогда только чуть стиснул пальцами его плечо и усмехнулся. Что он тогда сказал?.. Кай соединил указательные пальцы на переносице… В следующий момент в ушах явственно прозвучал голос Каргера: «Храм не там, где величие воплощено в камне. Храм там, где *голос крови брата твоего вопиет к Нему от земли*, и Он обитает в нём».

Кай тогда ничего не понял, но по выражению лица Музы почувствовал, что сморозил глупость, и попытался отшутиться. Получилось ещё грубее: «А Бог твой, получается, глухой. Все *вопиют*, как ты говоришь, молятся, молятся, а толку никакого! Сгнил, небось, уже, или где-то *бродит*».

«Под твоими ногами столько древней святой крови, что странно *тебе* её не слышать…» – проговорил Каргер ещё более непонятные слова, уже не улыбаясь, и после этого повёл их с дедом и Музой в подземную крипту. Но Кай продолжал дурить и наотрез отказался спускаться под землю. Сцена сменилась каким-то расплывчатым невнятным пятном.

Да… было дело…

Снова младшая школа. А это ещё что?.. Кай застыл на месте. Он смотрел на это существо и понимал, что видел его не впервые. Как он мог забыть? Как он мог забыть?!! Это существо являлось ему в страшных снах не меньше года. Ведь молодой сержант тогда увидел тоже самое, испугался и пальнул в него из ракетницы… Но он сам настолько убедил себя в том, что *чёрный* гость ему просто померещился, что всеми силами разума загнал его в дальний угол памяти, где складировался самый бесполезный и плохо осознаваемый хлам из пережитого и выдуманного. Даже сейчас, мельком захватив край сцены, Кай почувствовал неприятную знакомую резь в области горла и шеи. Совсем как тогда. Совсем как в детстве, когда врачи, не находя никаких подходящих симптомов – ни свинки, ни ангины – прописывали ему компрессы, сироп ши-

повника и витамины. А Баба Рая, первая его учительница, скривив рот, называла его симулянтом и притворщиком.

Это с чёрной головой-лампочкой надо хорошенько вспомнить!

Кай побежал дальше, стрелка была достаточно узкой, не шире его ступни, но, удивительное дело, он больше не боялся с неё соскользнуть. Его ноги словно были с ней единым целым.

Кай чувствовал, что пора возвращаться. Часовщик предупредил, что далеко заходить нельзя. Кай уже забыл почему. Он неуверенно переминался с ноги на ногу, заглядывая туманную даль обоих концов стрелки.

Была не была! Он решил пробежать ещё немного вперёд. Он сделал пару вдохов-выдохов, выравнивая дыхание и мысли, хрустнул пальцами, встряхнул плечами и побежал. Стрелка пружинила и выгибалась, но не отпускала его. В какой-то момент он почувствовал, что бежит с зажмуренными глазами. Ноги сами находили опору. В конце концов… это же его собственная жизнь. Он не мог промахнуться.

Наконец Кай ощутил какую-то тягу в сторону. Он остановился и открыл глаза. И увидел… молодого деда, не совсем такого, каким его вернул Велес. Он был похож и не похож…

Сердце Кая сжалось. Дед выглядел очень плохо. Небритые щёки и борода со странными мочалистыми косичками, всклокоченный чуб, изодранные вытертые добела джинсы, с дырками на коленях… На шее и запястьях он рассмотрел

татуировки, какой-то разноцветный драконий хвост…

Кай постарался затормозить сцену, непонятным образом ему удавалось управлять их сменой. Почему такой вид? Откуда татуировки? Он бы сам никогда… Неужели дед Егор попал в тюрьму? Как же судьба его побила…

Но что-то… что-то было не так. Дед сидел, соединив указательные пальцы у переносицы. Дед так никогда не делал…

Дед сидел на диване перед широкой чёрной картинной рамой. Но это не было картиной, это был… вроде бы телевизор. Но очень тонкий, не толще двух сантиметров. Дома у них стоял огромный телевизор «Радуга», он был таким же громоздким, как и холодильник, только полированный под дерево. А здесь… Что-то было не так. Кай занервничал. Деду лет тридцать. Тогда Каю… Кай ещё тогда не был рождён и стрелка его реальной жизни не могла показывать деда в таком возрасте. Что-то в этом было *неправильное*. Не так.

Кай прислушался.

«Самолёт Папы приземлился в аэропорту «Летч» в субботу в 13.30 по местному времени. Здесь понтифика встречал сам президент, пренебрёгший всеми правилами дипломатического протокола, а также глава греко-католиков кардинал Любомир Гузар и глава Католической Церкви в Гардарики кардинал Марьян Яворский…»

Кай остановился, заставляя себя смотреть. Папа появился

на трапе самолёта. Понтифик был очень стар. Папа медленно спустился по трапу самолёта. Президент в ожидании поморщился от солнца и откусил конфетку.

Сцена отчего-то казалась важной тому, кто поставил его на стрелку. Важной, но… Гардариния не имела президента. А вот аэропорт был гардаринининский. Кай начал терять интерес, с усилием заставляя себя вслушиваться в слова из телевизора.

Понтифик говорил что-то *о преемственности хранителей веры, о том, как ещё в первом веке во время своего миссионерского похода апостол Андрей дошёл до древних киевских гор, и его посещение касалось не только прошлого… что он сам видел новый свет, который просветит землю Гардарини. Свет, который обновит выбор, сделанный в 988 году князем Владимиром....*

Что-то в словах понтифика… что-то… Зачем апостол Андрей в первом веке дошёл до киевских гор?.. Свет… Новый свет… Первый век… Андрей Первозванный… Тогда ещё никакого Древнеграда не было и в помине. Папа сказал ровно то, что сказал…

Кай взъерошил волосы на макушке.

Дед на диване в точности повторил его жест, оба они уставились на экран.

Диктор продолжал репортаж.

«Из аэропорта Папа поехал на Аскольдову могилу, где по-

сетил храм св. Николая, который до революции был православным. Там похоронен отлучённый от …»

Дальше звук провалился. Кай не разобрал несколько фраз. Затем снова чётко расслышал:

«В храме Папа совершил молитву и затем пересел в папамобиль и отправился по улицам Древнеграда».

На цветном экране виделось лицо старого мужчины, крупным планом. Одетый в голубую холщовую пелерину, с плоской шапочкой на голове, его речь заглушал голос диктора. Кай задумался. Это лицо он видел. Или увидит… не знаю. Потом… когда-то… Или давно? Кай сам удивился ощущению.

Неправильно. К голосу диктора подмешивались язвительные нотки. За спиной мужчины мелькали виды Древнеградского парка. И ротонда. Та самая, из другой сцены, у Каргера в храме. Мужчина продолжил речь, но Кай уже не слушал. Он понял, что казалось ему неправильным. Он видел это лицо. Но это случится потом. В будущем.

И это был не дед. Это он сам там на диване. И татуировки с драными штанами его собственные. И косицы в бороде. Хаха… Значит пора браться за голову. Этот его бродяжий вид намекает на вовсе незавидное существование в будущем…

Кай сказал себе, что горевать о будущем не время, а стоит

подумать о том, как выбираться. Наверное, он заступил за черту. В своё будущее. Потому, как тот, будущий Кай, тоже знал это лицо с добрыми глазами, лицо понтифика. И это важно. И это надо не забыть.

Двинуться дальше? Нет, что-то говорило ему, что нельзя.

Кай не знал, что делать. Любопытство не отпускало. Неожиданно для себя он закрыл глаза и пару раз крутанулся на стрелке. Риск бежать наобум велик. Но выбор сделан. Под ногами что-то хрустнуло. Кай бежал, надеясь обогнать свою жизнь, пролетающую у него перед глазами. Стрелка уходила вдаль, рельсы уносились вперёд, куда-то очень далеко, и что там, он рассмотреть не мог. Под ногами хрустело, с каждым шагом было всё неудобнее бежать. Смотреть под ноги не хотелось. Нет, это он уже видел. Но это не его прошлое. И это не его будущее. Это его сон.

Гладкие, сминаемые им землистого цвета кости, хрустели. Глазницы черепов безучастно на него таращились, вывернутые челюсти скалились. Впереди в темноте двигались какие-то тени. Он в тоннеле, и в тоннеле этом темно, впереди лишь мигает какой-то рассеянный зелёный свет.

«Кремц, кремц»…

«О… я знаю что будет дальше…»

Тоннель, холодный и заброшенный, явно созданный рукой человека. Кай, замедлил шаг, готовясь к тому, что холодные когтистые руки, сотканные из тьмы, набросятся на него, как тогда во сне.

Он снова вынул из кармана знак Каргера. Тот подмигнул ему тусклым бликом будто старый друг. А потом неожиданно из солнечного диска в центре знака ударил золотой луч, будто лестница ниспала ступенями на самую землю. Тьма расступилась, идти стало легче. Впереди вырисовалось белое прямоугольное пятно, напоминающее домик со скатной крышей. Кай снова побежал, время было на исходе, он это чувствовал.

«Кремц, кремц»…

Тоннель расширялся, превращаясь в круглую искусственную пещеру с высокими сводами. Стены её были грубо стёсаны, из длинной узкой щели под самым потолком струился зеленоватый свет, падая на объект в самом центре, который Кай принял за домик.

Это был не домик, а высокий гроб из розоватого мрамора, саркофаг, установленный на возвышение, к нему со всех сторон вели каменные ступени.

«Кремц, кремц»…

Стены прямоугольного ящика и двускатной крышки были покрыты крупным резным орнаментом. В крышке виднелось оконце, но Кай был слишком далеко, чтобы заглянуть туда. Кай направил луч света на фронтальную стену саркофага и не поверил своим глазам. В торце его блистало золотое солнце, к центру которого восходили ступени, растущие от постамента.

Рядом с каменным гробом, прямо на каменном полу, ле-

жало несколько, может шесть, возможно восемь, полуистлевших человеческих тел. Кай опасливо отступил назад, опасаясь растоптать останки. Беглого взгляда было достаточно, чтобы заметить на скелетах форменные галифе тёмно-синего цвета, крупные красные звёзды, окантованные золотом на рукавах над манжетами и разбросанные по полу гильзы. Под ногами что-то скрипнуло – Кай чуть не поскользнулся на лакированном козырьке фуражки. Красный околыш и тулья синего цвета с кровавым кантом.

«Кремц, кремц»…

Тревожное напряжение кольнуло его под рёбрами. Парализованный этим зрелищем, Кай будто погрузился в продолжение своего сна. Он опустил глаза – глянцевая стрелка всё ещё была под ногами, значит всё вокруг – это некая проекция его будущего. Он не видел самого себя, как это происходило в сценах из его прошлого, и был готов оборвать кадр, но кадр всё не заканчивался. Лоб Кая покрылся испариной. Ему хотелось выбраться из этого замкнутого контура. Но он, спотыкаясь, продолжал идти вперёд.

«Кремц, кремц»…

Клубы тьмы сгустились вокруг его лица, уплотняясь, обволакивая его фигуру, принимая причудливые формы. Его окружили какие-то новые звуки. Скорее похожие на далёкий плач или женское пение. От этих наслаивающихся один на другой голосов стыла кровь. Он слышал какой-то мерзкий будоражащий шелест, какое-то шевеление, нетерпели-

вую возню. Кай начал отступать, пытаясь отмахнуться от назойливого морока, вытолкнуть из сознания эти страдальческие стенания, эти стоны, переходящие в рыдающий вой, но всё безуспешно.

Он почувствовал чьё-то прикосновение, словно это были жадные пальцы. Руки, десятки рук удерживали его за плечи, ощупывали грудь, выворачивали шею, выдавливали глаза, зажимали рот и нос, не давая сделать вздох. Кай начал задыхаться. Длинные пальцы сомкнулись на его горле, они были настолько длинные, что обвивали шею всё новыми и новыми витками, усиливая давление будто змеи.

Он схватился за эти руки, пытаясь ослабить хватку, но ничего не нащупал. Его душила тьма, из горла вырвался хрип, воздуха почти не осталось… В ужасе он осознал, что не может сопротивляться этим бестелесным прикосновениям. Под ногами упруго вздрогнула стрелка часов, голоса потонули в тикающем шуме, ворвавшемся в пещеру, и голова Кая прояснилась.

Сам не зная, чего он ожидает от этого действия, он всей ладонью впечатал в грудь орден Каргера, свою единственную связь с реальностью. Он попятился назад, боясь потерять стрелку.

«Позвать мастера Йозефа»… «позвать мастера»… «позвать его»… «позвать»… «поз»… Сознание тускнело… *«позвать»…* воздуха почти не осталось… *«позвать»…* он не мог издать ни звука. Он пошатнулся и упал на одно колено.

Мерцающая иссиня-чёрными гранями рука с десятками пальцев пронзила орден насквозь. В этот момент всё внутри взорвалось тошнотворной болью.

Это не моё будущее! Это сон… СОН…

А потом он увидел себя…

В том месте, где за миг до этого был прижат знак Каргера, где секунды назад билось его сердце – в том месте больше не было ничего. Он видел себя с огромной бескровной раной, с безобразной зияющей чёрной дырой в груди. Из неё капало и стекало по футболке что-то, очень напоминающее смолу. Он стоял на коленях, как тогда во сне, на каменном полу в луже собственной крови, он больше не мог шевелиться, вцепившись в собственное горло, пытаясь разжать несуществующие душащие его руки. Перед ним в дымящейся багровой пене лежало его живое золотое сердце. На нем был высечен золотой диск солнца в окружении искристых лучей, к центру солнца восходила золотая лестница.

«Каргер, спаси!», – пронеслось в его голове.

Но Каргер был мёртв.

Сердце билось на полу, отсчитывая мгновения его бессмысленной жизни с активностью инфузории-туфельки в лабораторной чашке.

«Каргер», – сквозь стиснутые зубы простонал Кай.

Секунды вытекали из его золотого сердца вместе с пузырящейся кровью. Кай закрыл глаза.

«Каргер…» – выдохнул он без сил.

Жуткий стенающий вой вдруг затих.

«Кремц, кремц»…

Его отпустили руки, когти разжались.

Тени, звуки, толкотня прекратились.

Он больше не был их добычей.

Потому что пришёл, и Кай это почувствовал, пришёл хозяин всего. ВСЕГО. И в следующий миг перед его лицом загорелось семь голубых точек.

И это были глаза.

И ничего другого вокруг он больше не замечал.

Со звёзд подул холодный ветер.

Семь рогов целились ему в грудь, наплывая гнилой костяной головой. Семь голубых точек, не мерцающих искр, а ровно и вечно стынущих хладом глаз, за стенками которых не жизнь, но что-то позади неё, вне её…

Рот в этом гнилом черепе открылся.

Кай заорал: «КАРГЕР!!!»

И существо повторило тихим эхом: «Кар-гер».

…

«Кееек-кееек-кееек».

Через мгновение он услышал стремительный свист крыльев над головой, и мощные когти выдернули его из этого кровавого плена.

«Мистика…» – Кай с облегчением закрыл глаза.

* * *

В глаза резанул ярко-синий цвет, он закашлялся.

Он ощутил старческий запах… лекарств? овсяной каши? табака?.. Он лежал на спине, над ним нависло уродливое лицо с огромными окулярами.

– Бестолочь… Идиот!.. Острога стоеросовая!!! И как вас только отбирают?..

Кай улыбнулся ему как старому другу.

– Простейшее дело не может сделать, чтобы всех живий с кремцами не всполошить.

– Вы не объяснили… – Кай начал приподниматься на локтях. Проклятое белое марево вокруг снова нестерпимо слепило глаза.

– Время никогда ничего не объясняет «до». Время доходчиво втолковывает «после».

– Я понял… – голос сошёл на хрип. Он не мог надышаться.

– Бестолочь… Где вас только принцев таких находят?! Толку с вас Корпусу… Без десятка телохранителей шагу сделать не могут… – продолжал плеваться старик, ощупывая Кая. – Цел хоть? Кабы не птица Велесова, я б тебя не достал. Чуть стрелку свою не истребил, талант.

– Можно мне будет прийти снова?

– Приходи, недоросль. Ты хоть что-то рассмотреть успел? Или всё мимо? – мастер сурово свёл глаза к переносице.

Кай едва сдержал смех.

– Да… Что-то увидел. Но не всё. Но многое. Я бежал, просто, искал послание Каргера.

– Ну хоть так. А то некоторых ставь-не ставь, всё едино, ни вспомнить нечего, ни зацепиться не за что, просвистело мимо за пять секунд, будто в унитаз смыло, – старик поправил свои окуляры и снова забормотал. – Кому нужна такая жизнь?.. Не жизнь, а скисшее молоко. А этот… Такую стрелку чуть было не изничтожил… самую прочную, самую длинную…

Купол со стрелками снова занимал своё место над головой. Кай, кажется, начал понимать.

– Эти все стрелки… они мои?

– Твои, твои…

– И я могу выбрать, на какую из них встать? По какой мне идти? – Кай во все глаза смотрел в уродливые окуляры старика. – Ну… или, к примеру, выбрать плыть тупым концом вперёд?

– Дошло наконец… – лицо старика первый раз за всё время озарила улыбка. Морщины разгладились, безобразные шрамы стали не так заметны. Он стал похож на кота с большими круглыми глазами.

Кай хотел спросить, как такое возможно, но догадывался, что какой бы ответ не дал ему старик, он не поймёт.

– Можно мне будет прийти снова, мастер Йозеф? – Каю захотелось смеяться и обнять этого чудаковатого вредного мастера, смотрителя чужих жизней.

– Сказал уже, можно. Только не части. Проблемный ты. Без тебя дел хватает, за каждым надо углядеть, каждую

стрелку отладить, – старик наконец выпрямился. – Дверь там. Иди, никуда не сворачивай.

Кай тоже поднялся. Вскользь неловко приложил руку к груди, боясь нащупать в ней дыру, и с облегчением обнаружил, что сердце было на месте и билось в нормальном ритме. Карман успокоительно оттягивал знак Каргера.

– Куда же я сверну? Там же не было поворотов?

– С тебя станется… – мастер Йозеф махнул рукой, отступил и под мерные звуки тикающих часов растворился в белом сиянии.

Обратный путь по тёмному коридору Кай преодолел всего за пару минут. В пятистенном вестибюле на этот раз виднелась лишь одна дверь, и через мгновение он выскочил на улицу. Уже стояла ночь.

Кай никогда прежде не любил свою жизнь так сильно, как в эту минуту. Спасибо тебе Время за то, что ты остановил стрелки… Кай очень хорошо помнил то загадочное замирание пространства за пределами устроенного Велесом вихря, как оно «заморозило» деда, Музу, змею и Историю, благодаря чему их не затянуло в воронку, и улица избежала разрушений.

«Ии-чип», – на ветке старого платана сидела Мистика.

Кай знал, что он под защитой.

– Спасибо тебе, Мистика, – крикнул он на всю улицу.

«Спасибо тебе, Каргер…», – проговорил он про себя и помчался домой, подгоняемый начинающимся дождём.

Первый контакт

Кай полночи не мог уснуть. В голове просто горело от сумбура воспоминаний. Столько всего он увидел. Увидел ли то, что должен был?

Он пронёсся по своей реальной жизни, не обращая ни на кого внимания. Да, ведь столько лет рядом был Каргер, а Кай относился к нему как скучному и обыденному весеннему визиту участкового врача – просто старик, просто бывает в их квартире.

Некоторые вещи он вспомнил, но до сих пор не понял их значения. Самым ярким всполохом засело воспоминание о Зарнице. Когда-то он о нём просто забыл. Сейчас те обстоятельства не казались ему ни обыденными, ни простыми.

Пожалуй, то был первый звоночек. Первая его встреча с иным миром. И он совершенно вытеснил её из памяти.

Кай начал припоминать. Тот случай запомнился совершенно другой интонацией, от него было неприятно просто потому, что годы его младшей школы были отравлены фактом существования такого человека как Баба Рая. Как и многое другое, обидное и ранящее, эта часть забылась, затёрлась, выветрилась из головы. Но тогда, именно тогда он испугался, он никогда так не пугался, ни до, не после. Не считая встречи с Велесом.

…

Очень чётко всплыла картина из давнего прошлого – он посреди зелёной лужайки, короткие шорты, голые колени, искусанные комарами и порванные шнурки. Отряд Зарницы, возглавляемый Бабой Раей, с рюкзаками и палками, шагает через широкую лесную прогалину. Солнце напекает за шиворот, нести даже пустые чугунки и одеяла тяжело, всем хочется пить, сонливая тишина вокруг разбивается нестройной речёвкой и педагогическими издёвками классной дамы.

Да, это было в классе третьем… Воспоминания стали ярче. Унылая дружина, набегавшись, напрыгавшись и истратив воду и силы, растянулась парами аж до леса. Внизу у дороги их ждали армейские грузовики. Оставалось минут семь пути

Кай держался подальше от Бабы Раи со старостой, он с удовольствием замыкал фалангу, напевая что-то своё, размахивая палкой и сбивая головки чертополоха. Вдруг он почувствовал звук… Не услышал, а почувствовал – ласковый, убаюкивающий, притупляющий внимание. Он приостановился и прислушался. Звук приближался и пугал.

Последние несколько пар одноклассников утонули в сомкнувшемся полевом сухостое. Он понял, что остался совсем один. Он помнил также, что по непонятной причине свалился с ног, его будто что-то захлестнуло, как удавкой передавив горло.

Он задохнулся, закашлялся, совершенно лишённый возможности кричать, схватившись за шею и озираясь, выбрался из ремней тяжёлого рюкзака и встретился взглядом с

этим…

Голова существа, *смотревшего* на него, напомнила ему хрустальную подвеску от люстры, только чёрную и огромную. Она странным образом действовала на него, тянула его к себе, будто магнитом и улыбалась, хотя никакого лица Кай в нём не различал. Кай упирался ногами кашлял и хрипел, отбиваясь руками, но не было ничего видимого, что отвечало бы за этот грубый физический контакт – ничего не было на шее, ни рук, ни верёвок. И всё же его втягивало в эту чёрную дымчатую пелену под кристальной головой, и горло страшно болело.

Он не помнил, сколько времени происходила эта борьба, ему показалось, что вдали за косогором раздались крики: «Кай! Кай Острожский, где ты?» Но он не мог им ответить. Он чувствовал, что прикосновение чёрной пелены обжигает его кожу, иголками впиваясь в шею и руки. Он страшно испугался и что есть силы начал орать.

В следующий миг трава позади *существа* качнулась и расступилась, и к сцене присоединился невысокий парень в солдатской форме. Он несколько секунд остолбенело рассматривал хрипящее упирающееся тело ребёнка и чёрное облако с кристальной головой над ним, потом, выкрикнув: «Стой, стрелять буду», быстро вынул из кармана блестящий предмет и нажал на спусковой крючок.

Не успела из ствола вырваться красная вспышка, с громким свистом рассыпая искры и дым, существо отпустило

Кая. Ринувшись на источник залпа, кристаллоголовое существо мгновенно поглотило весь красный заряд, его чёрное облако приобрело добавочные красные тона, которые клубясь и рассыпая вспышки, преобразовалось в единую чёрную дымную фигуру, после чего, смеясь и улыбаясь, медленно покатилось прочь от совсем юного солдатика и ребёнка.

В местах его касания с землёй оставался различимый след выжженной травы и почвы. И, кажется, в следующий момент из высокого сухостоя с рыком выскочила дикая собака и кинулась вслед за этим чёрным куском кристалла.

Но… честно говоря, в этой части воспоминаний Кай совсем не был уверен.

Парень подхватил Кая за руки, похлопал по щекам, отряхнул и, заглянув в глаза, помог ему удержаться на ногах первые несколько минут. Кай будто учился дышать заново. Горло невыносимо болело. Вместе они вернулись к машине.

Эта история осталась тайной. Солдатик никому из подшефной школы об этом происшествии не рассказал, разве только своему начальству. А Баба Рая, сидевшая с детьми в брезенте, за обратный путь вылила на него очередной ушат христианского человеколюбия, обвинив в том, что все отряды уже уехали, и одни они, из-за «*вечно-где-то шляющегося-отстающего-позорного-звена, голодными болтаются по лесу!*»

Кай тоже хотел есть и со временем поверил в свою вину, а про существо и дикую собаку забыл.

После сегодняшнего напоминания на стрелке Кай вспомнил всё в мелочах. Что или кто *это* было, почему *оно* напало на него и почему «съело» свет из ракетницы и ушло, на эти вопросы не было ответа. Он не видел ничего подобного ни в кино, ни на картинках, ни в книгах дедовой библиотеки. Когда-то он даже ходил с Музой в парк аттракционов с ужасным заезжим Бестиарием, но и там ничего подобного не встретил. Сейчас Каргер своим посланием настоятельно предлагал ему с этим разобраться.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.